Ant 56 a

РУСКІЕ

МОРЕХОДЦЫ.

Изданіе второе.

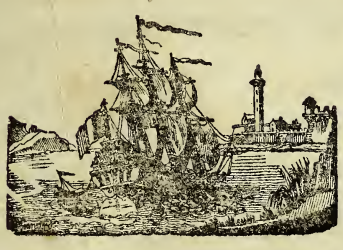
RPJCb

РУСКІЕ МОРЕХОДЦЫ НА ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ.

СТИХОТВОРЕНІЕ

ГРАФА ХВОСТОВА.

« Главу потомства въ слухъ я истину, не лесть,
« Любя хвалить Царя, хвалимаго вселенной.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1825.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО.

Санктпетербургъ, Іюля 6 дня 1825 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

РУСКІЕ МОРЕХОДЦЫ

НА

ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ.

И Рудословія и Домоводства членъ, (1).
Ты будешь, Сарычевъ, безмѣрно удивленъ,
Что лѣтъ въ преклонности на Геликонъ дерзаю,
О буряхъ, льдахъ стихи пловцу морей вручаю.

Стремился прежде я отселѣ въ мрачный долъ (2)
Гдѣ ископаемыхъ сокровищей престолъ,
Зрѣлъ лаллы, яхонты, агаты, изумруды,
И камней и солей неисчислимыхъ груды,
Металловъ чудный вѣсъ, который намъ открылъ
Богатства полный ключь и превосходство силъ.
Я съ Ломоносовымъ въ подземную спускался,
Въ жилищѣ ужасовъ съ цѣвницею являлся
Теперь оставя рѣкъ цвѣтистые брега,
Дубравы мирныя, зеленые луга,

Весною соловья пріятныхъ пѣсень сладость
Восторги нѣжныхъ чувствъ, любви невинной радость,
Оставя чистую небесную лазурь,
Теку въ предѣлы волнъ, несуся въ царство бурь;
Воображеніемъ похитя трудъ полезный,
Разгнѣванныхъ морей дерзаю видѣть бездны,
Боясь нерѣдко плыть въ часъ бури по Невѣ,
Стоустной я теперь ввѣряяся молвѣ,
Лечу въ Нептуновъ домъ, видѣньемъ устрашиться,
Какъ грудь желѣзная на смерча ополчиться (3),
Пучины слышать ревъ, снастей, канатовъ трескъ,
Звукъ грома, шумъ валовъ и частый молній блескъ:
Тамъ смерть съ улыбкою коварнѣйшаго взгляда,
Добычью радуетъ ненасытимость ада,
Она, подъ скипетръ свой стихію покоря,
Зритъ дань, которую приносятъ ей моря.

Разнообразная богатая природа
Касается главой небесъ прозрачныхъ свода;
Какъ день безоблачный, спокойное чело,
А бѣлое лице, текучихъ струй стекло,
Огнемъ животворитъ Фебъ неба миріады,
Сіяютъ такъ ея пылающіе взгляды,
Кудрявыхъ цвѣтъ волосъ, въ дубравѣ мракъ густой,
Въ рукѣ Природы зримъ одинъ рѣзецъ простой:
Имъ образуются и времена и лѣта;
Изъ устъ ея течетъ ключь благодатный свѣта,

А рѣчь пріятная, какъ сладостный потокъ,
Питаетъ Сѣверъ, Югъ, и западъ, и востокъ;
Огнями полный адъ ея покрытъ ногою;
Одежда розъ, милей сіяетъ нестрогою.

Гомеръ восторженный, въ стихахъ являетъ намъ
Природы мудрыя великолѣпный храмъ
А Плиній и Бюффонъ (4) открыли намъ богатства,
Которыми ея обилуютъ три царства;
Но кто уразумѣлъ, взойдя на высоту
Непостижимую и мощь и красоту,
Кто видѣлъ ужасы и прелести природы,
Кто могъ одинъ обнять твердь, землю, адъ и воды?
Герой, Правитель, Царь, наперсникъ тайнъ, мудрецъ,
По манію ея берутъ себѣ вѣнецъ.

Счастливъ, кто вознесясь до вышней духомъ сферы,
Достигнулъ по слѣдамъ Любви, Надежды, Вѣры,
Природа, мать существъ въ священной твой чертогъ!
Ему съ высотъ небесъ Самъ покровитель Богъ:
Онъ роскошь побѣдя и вожделѣнье страсти,
Святаго промысла предавшись мудрой власти,
На крыліяхъ любви въ безвѣстный край парилъ,
Въ Камчаткѣ дикарю, какъ братъ, благотворилъ.

О муза! въ дерзости могу ли я помыслить,
Всѣ имена мужей великія исчислить,
Которые, презря морскихъ валовъ борьбы,
Шагнувъ чрезъ древніе Иракловы столбы

Къ обоимъ полюсамъ стезю себѣ открыли,
Европу новыми лучами озарили.

Ты Беллинсгаузенъ, Васильевъ, Крузенштернъ,
И Берингъ и Колумбъ! вашъ трудъ запечатленъ:
Кончая Волга бѣгъ, богатство водъ скопляетъ,
И съ шумомъ Каспію сокровища вручаетъ.
Какъ ваши подвигомъ прославясь имена,
Прейдутъ въ послѣднія потомковъ времена.

Завоеватели, свирѣпые Аттиллы!
Вы царства обратя въ пустыни и могилы,
Гордыней обуявъ, изсунувъ грозный мечь,
Велите смертнаго ручьями крови течь!
Предѣлъ вамъ славы — гробъ, отверженцы природы!
Вамъ чужды небеса, огонь, земля и воды.
Вы мните: только вамъ сіяетъ свѣтлый день,
Для васъ сотворена прохладной рощи тѣнь,
Окамененіемъ, алчбою здѣсь не сыты,
Въ могилѣ прокляты и будете забыты.

Наперсники Наукъ, Борея на крилахъ,
Подъ мрачнымъ сводомъ бурь въ безвѣстныхъ племенахъ,
Сыскали родники природы благодатной
И розы спѣлыя и воздухъ ароматной
Тамъ новая трава и ловко мошильки
Вьются надъ стекломъ прозрачныя рѣки.

Я скромность, Сарычевъ (5), твою не оскорбляю,
И многихъ подвиговъ средь волнъ не исчисляю,
Къ тебѣ взываю: я устрой опасный путь,
Мнѣ кормчимъ по морямъ, моимъ язономъ будь!

Великолѣпенъ видъ среди морей природы,
Сіяющихъ небесъ тамъ голубые своды,
Чертогъ среди ночей неисчислимыхъ звѣздъ,
Тамъ плещетъ воду китъ средь бурныхъ въ морѣ мѣстъ,
Горящіе столпы, явленія чудесны,
И солнечный отливъ, блескъ радуги прелестный,
Величественная вечерняя заря,
Когда уходитъ Фебъ покоиться въ моря,
И *газы* разные, водъ цѣлое пространство,
Въ свой облекаютъ цвѣтъ, свое даютъ убранство;
И множество *прожоръ* (6) и *насѣкомыхъ* тьма.
Неистощимая природа ихъ сама
Блестящей чешуей искусно украшаетъ;
Она пылающимъ лице морей являетъ.
Пространство влажное безчисленныхъ красотъ,
Для умозрѣнія духовный сѣя плодъ
Склоняютъ часто мысль сей жизни отъ порогу,
Въ обитель горнюю, къ царю вселенны, Богу:
Тамъ буквы ясныя, вѣщающія въ слухъ,
Они удвоя міръ, возносятъ мудрый духъ,
Они сердца людей любовью окриляютъ,
Чертежъ о подвигахъ высокихъ представляютъ,

Мужамъ, отторгнувъ ихъ отъ праздности предѣлъ,
Велятъ въ грядущемъ жить, искать безвѣстныхъ сель.

Изъ древа созданный искуствомъ окрыленный
Уже корабль простеръ полетъ свой дерзновенный.
По чистому стеклу необозримыхъ водъ
Не лживымъ (8) перстомъ иглъ исчисля точный ходъ,
На долго распростясь съ отечества брегами,
Безвѣстныхъ ищетъ благъ съ безвѣстными странами,
Къ предѣлу странствія онъ ускоряетъ путь,
Мечтаетъ въ городахъ обильныхъ отдохнуть,
И временныхъ вѣтровъ питаясь дуновеньемъ,
Благотворительнымъ несется ихъ стремленьемъ.

Увы! безвѣтріе и волнъ свирѣпыхъ сонъ
Раждаютъ множество плывущему препонъ:
То скудость яствъ, воды, кладутъ на сердце бремя,
То драгоцѣнное губя напрасно время,
Возводитъ кормчій взоръ на тихій неба кровъ
Желая тамъ узрѣть явленіе вѣтровъ.
Вдругъ тучи черныя, изъ края въ край несяся,
Громами, молніей, вѣтрами разродяся,
Въ безбрежный океанъ несытыя текутъ,
Водою плещутъ въ бокъ, и свищутъ, и ревутъ;
Колеблемый корабль, Борея духомъ полный, (9)
То подымаютъ вверхъ, то онускаютъ волны.
Тамъ ужасъ царствуетъ, луча къ надеждѣ нѣтъ,
Отчаяніе въ грудь, себя терзая, бьетъ;

Тамъ малодушные, желавъ спасенья, стонутъ;
Пловцы могущіе, борясь съ волною, тонутъ;
Животныхъ вышесня изъ корабля, вода
Являетъ по морямъ плывущія стада.

Причины бурь (10), вѣтровъ постигнуть не дерзаю,
Природы таинства на лирѣ не читаю;
Пусть снизу орѣдѣвъ воздушная рѣка,
Густыя на верхахъ скопляетъ облака:
Земные ли пары или влеченья сила,
Сдружая съ прахомъ персть, даритъ имъ тяжесть, крила,
Иль огненная пещь кипя, внутри земли,
Сжимая влагу въ клубъ, на высотахъ, вдали,
Велитъ, ей образъ давъ, по воздуху кататься,
Предъ смертными въ громахъ и молніяхъ являться?

Гомеръ, лѣтъ древнихъ Бардъ, избралъ вѣтрамъ царя,
И покорилъ ему свирѣпыя моря;
Эола сонмы чадъ сорвавъ съ себя оковы,
Изъ каменныхъ пещеръ вмигъ излетѣть готовы,
То вредные пары съ лица земли унесть,
Или спѣша створить Юноны гордой месть,
Дыхая бурями въ пучинѣ грозной влаги,
Осташки мчатъ Троянъ на берега Карѳаги. (11)

Уже въ преддверіи опаснаго часа
Бросаютъ якори, свиваютъ паруса,
Пугалище пловцовъ, предвѣстіе ширана,
Предшеча (12) грознаго средь бездны урагана,

Въ крови безбодрственныхъ раждая жаръ и мразъ,
Открылся средь небесъ *воловій страшный глазъ* (13):
То черное пятно на облакѣ гнѣздится,
Ростя немедленно, обширнымъ становится,
Кровавый цвѣтъ луны, кровавый солнца блескъ,
Ходъ быстрый облаковъ, глухой подземной трескъ,
Буреносителя вѣщаютъ приближенье,
За нимъ толпятся въ слѣдъ огонь, землетрясенье,
Густое облако крылатое одно
По небу стелетъ мракъ, какъ черное сукно,
Тамъ въ полдни свѣтлаго луча не видно болѣ,
Тамъ нóчь, тьма царствуетъ, пусть солнце на престолѣ;
Скочивъ съ одра Борей сжимаетъ облака,
Дождя шумящаго течетъ съ небесъ рѣка,
Свистъ вѣтра, грома трескъ, дубравы вдоль стремится,
Опъемля верхъ, готовъ на корни ополчиться;
Тамъ вихрь ужаснѣйшій среди пространствъ летитъ,
Свивая клубомъ мглу, все клонитъ и крутитъ,
Прибрежный вѣтра духъ все низвергаетъ, давитъ,
То на утесъ, лѣтитъ то зданье обезглавитъ,
Или, столѣтній дубъ, съ корнями ухвативъ,
Бросаетъ далеко по воздуху каша,
Безъ вѣтвей дерева́ и безъ листовъ являетъ,
И мураву бичемъ палящимъ истребляетъ,
Верша опъ корабли порывисто и вдругъ,
Отбросивъ къ берегамъ, несетъ на западъ, югъ;
Тамъ гибель трепетъ, смерть лишь поражаютъ взоры;
Тамъ волны въ небо бьютъ, возносятся какъ горы;

Тамъ молнія спѣша, за молніею въ слѣдъ,
Вдругъ пламенную въ мракъ на воздухъ ризу шлетъ.
Вервь лопнула, руль палъ, трещатъ, обмокнувъ, снасти, (14)
Корабль растерзанный сталъ рабъ свирѣпой власти;
Несяся въ трепетѣ межь неба и земли,
Зритъ брусья онъ свои, плывущія вдали.
Ударилъ снова громъ, волна сразясь съ волною,
Бѣжитъ вздымается, дробится надъ кормою:
Горитъ крылатый домъ, но бѣдство не одно,
Волна его влечетъ свирѣпыхъ водъ на одно,
Хламиду мѣдяну отпоргнувъ безполезну,
Вознявъ корабль сверхъ водъ, свергаетъ съ шумомъ въ бездну.

Такъ, славный Лаперузъ (15), любви къ наукамъ полнъ,
Средь хвальныхъ подвиговъ сталъ жертвой грозныхъ волнъ
Погибъ!... не уже ли скрываетъ мракъ темницы!
Гдѣ человѣчеству искать его гробницы,
Покажетъ намъ ее не мраморъ и не мѣдь,
Быть можетъ, плоть его досталась рыбамъ въ снѣдь.

А тамъ еще напасть, лукавыхъ водъ Царица (16)
Сидя надъ бездною, волшебствъ старинныхъ жрица,
Сирена хитрая стальнымъ своимъ жезломъ
Чаруетъ сонмы водъ, ихъ очертя кругомъ.
Наружной тишиной плывущихъ привлекаетъ,
Приманитъ корабли и, приманя, глотаетъ.

Родится ураганъ при южныхъ берегахъ,
И царствовать привыкъ въ Антильскихъ островахъ,

Лишь Фебъ въ пещерѣ льва, онъ дерзкими крилами
Бунтуетъ по морямъ и борется съ дубами.

А шамъ изъ подъ горы исхитясь исполинъ, (17)
Тифонъ дерзающій низринуть стройный чинъ,
Въ чертоги волнъ царя прозрачные сокрылся
И въ тѣло жидкое и видъ преобразился.
Средь моря грознаго явился великанъ.
Простерся вкругъ его густой вездѣ туманъ;
Какъ брановосная воителя одежда
Въ немъ возлетѣть къ звѣздамъ еще горитъ надежда,
Пусть кажется пловцамъ быстръ, тонокъ снизу онъ,
Широкая глава, какъ обращенный *конъ* (18),
Отъ водъ поверхности вокругъ себя клубится,
Ростетъ, и вдругъ столбомъ кругообразнымъ зрится,
Съ огромнаго чела, какъ съ горъ, течетъ потокъ,
Стремится, пѣнится, шумя, журча легокъ,
Спустясь онъ въ бездну, сталъ ключь пламенный кипящій,
Плыть безбоязненнымъ среди морей претящій.

Иные корабли вступаютъ съ смерчемъ въ бой,
Разя въ прозрачный столбъ жерлъ мѣдяныхъ пальбой;
Лишь повторенные удары ядръ жестоки,
Расторгнувъ влаги сѣть, смиряютъ волнъ потоки.

Давно ли съ круга водъ сорвавшися Тифонъ,
Крылатый, яростный и дерзостный драконъ

При Фебѣ вдругъ схватя людей въ *Селастополѣ*
Съ чудесной быстротой и добычью оттолѣ,
Раждая по слѣдамъ смятенье, ужасъ, крикъ,
Залива чрезъ потокъ, лѣтитъ на материкъ.
По счастію, туда свой грозный путь направилъ,
Безвредно плѣнниковъ онъ на землѣ поставилъ;
Но самъ разсѣялся и обратился въ мглу́,
Громадой влажной ударясь о скалу
Раждаетъ много зла Тифонъ ожесточенный
Изъ хляби огненной исхищяся подземной.

Несчастенъ человѣкъ! онъ ждетъ себѣ бѣды
Отъ неба, воздуха, и суши, и воды;
Коль мало для него напастей въ бурномъ морѣ,
На сушѣ новыя онъ обрѣтаетъ вскорѣ;
На влагѣ, на землѣ, едва лишь ступитъ шагъ,
То явный, тайный ли ему предстанетъ врагъ,
Тамъ огнь громовыхъ тучь, и вѣтры крѣпко дуютъ,
Ущесы, смерчи, льды, здѣсь люди негодуютъ,
Другъ человѣчества, воспитанникъ наукъ,
Погибъ на берегу Британецъ, мудрый Кукъ. (19)

Отъ тайныя стрѣлы, направленныя съ тылу,
Безтрепетный пловецъ низринулся въ могилу,
Отъ человѣческой пріемля смертъ руки,
Онъ въ море палъ лицемъ, не брега на пески,
Въ обитель хищныхъ чудь, пучину водъ сокрылся,
Подобнаго себѣ быть жертвою стыдился.

Кто просвѣщенія, святыя вѣры чуждъ,
Тотъ видомъ человѣкъ, своихъ невольникъ нуждъ,
Онъ зритъ и воздухомъ себя хотя питаетъ,
Но цѣли бытія, любви къ другимъ, не знаетъ.

Весь обитаемый обтекъ Васильевъ шаръ, (20)
Уже отечеству принесъ онъ знатный даръ,
Которыи посвятилъ въ музей Адмиралтейства,
Но малоль претерпѣлъ среди пучины бѣдства?
Не рѣдко плаватель, смотрящій въ глубь морей,
Какъ путникъ брошенный въ лѣсахъ между звѣрей,
Подъ сводами небесъ, въ пространствахъ грозной бездны,
Одинъ, и надъ собои зритъ смерти перстъ желѣзный,
Чужому воздуху онъ часто платитъ дань,
И тайную ведетъ съ самимъ собою брань,
Внимая грусти гласъ и черныхъ думъ законы,
Пускаетъ тяжкіе изъ сердца вздохи, стоны,
Горящій въ полдень лучь, и ночью свѣтъ луны,
И отраженіе сребристыя волны,
Чужаго берега шумящіе потоки,
Не могутъ истребить разлуки духъ жестокій,
Не забавляетъ лугъ, ни пестрые цвѣты,
Коль милой сердцу нѣтъ знакомой красоты.
Для пользы ближняго трудами веселится,
Но самъ печалію, унылостью томится:
Отъ радостей души, отъ кровныхъ удаленъ,
Не зритъ отечества, которымъ воскормленъ,

Мечтаетъ, утомясь въ опасностяхъ великихъ,
Жизнь кончить горькую въ степяхъ народовъ дикихъ,
Вещаетъ иногда, сугубя скорбь тоску;
Пустаго берега я лягу на песку,
Кто миромъ оградитъ съ землею часъ разлуки,
Кто слабыя мои къ устамъ приложитъ руки,
Кто слышашь притечетъ послѣдній разговоръ,
Кто, наконецъ, смежитъ мой утомленный взоръ?
Нѣтъ друга — матери, и нѣтъ супруги нѣжной!
Кто переплыть дерзнувъ чрезъ Океанъ безбрежной,
Пойдетъ могилу зрѣть въ непроходимой лѣсъ,
И мореходца прахъ почтитъ потокомъ слезъ!

О муза! возвѣсти погибель мнѣ Хрущова (21)!
Изъ Беринга устенъ не упуская слова,
Совѣтъ начальника вмѣня себѣ въ законъ,
На малой островокъ пошелъ съ отрядомъ онъ,
Пошелъ немедленно, поспѣшно возвращался,
И мудраго вождя довѣрьемъ восхищался;
Речетъ: я сталъ теперь дозорный вѣрный глазъ,
Я повелѣнія въ одинъ исполнилъ часъ;
Уже летитъ къ судамъ влекомъ надеждой лестной
Гдѣ Гавріилъ стоялъ ему пристонъ извѣстной,
Что сталося? Увы! о небо, о земля!
Приходитъ на берегъ, не видитъ корабля:
«Вотъ мѣсто между мной, начальникомъ условно,
«Оно, осиротѣвъ, и пусто и безмолвно.

« Съ дружиной малою, безъ пищи, безъ судовъ,
« Погибнешь навсегда злосчастливый Хрущовъ!
« Зачѣмъ на смерть меня въ пустынѣ ты оставилъ,
« Сей островъ осмотрѣть ты самъ меня отправилъ,
« Людей и порохъ далъ, ты ждать меня хотѣлъ,
« Я въ срочной часъ сюда немедля прилетѣлъ. »
Такъ вопіялъ Хрущовъ, терзаясь въ люотой долѣ.
О мысль ужасная! уже нѣтъ судна болѣ,
Нельзя въ отечество любезное отплыть,
На дикомъ острову пришлося смерть вкусить.

Гдѣ островъ, гдѣ Хрущовъ, и Берингъ самъ незнаетъ,
Сей кормчій среди бѣдъ, томясь въ моряхъ, страдаетъ,
Бурунъ его корабль отъ Берега схватилъ,
Межь грозныхъ льдинъ, вѣтровъ, въ пучинѣ водъ носилъ,
Тамъ Берингъ много дней средь люотыхъ бѣдъ скитался.
Въ безвѣстіи досель Хрущова рокъ остался.

Пускай молва твердитъ: на островѣ пустомъ,
Который окруженъ отвсюду грознымъ льдомъ,
Христовой церкви чадъ безвѣстная дружина
Не отрицается Европы мудрой чина,
Пусть мнятъ, что тамъ Хрущовъ, съ нимъ купно моряки,
Ждутъ вѣтровъ и судовъ отъ Божіей руки
Но вѣритъ сей молвѣ есть льстить себя напрасно,
Едва ли съ истиной преданіе согласно.

Зима украшеннымъ морозами жезломъ
Весь полюсъ оковавъ на сѣверѣ кругомъ,

Столицей стала чтить охолодѣвши степи,
Просперла въ океанъ изъ водъ замерзлыхъ цѣпи,
Взошла, любуяся сіяніемъ снѣговъ,
Въ чершогъ, изсѣченный изъ чистыхъ, крѣпкихъ льдовъ,
Обычнаго временъ не соблюдая хода,
Раждаетъ иней, ледъ къ концу сначала года,
Украдкой сыплетъ Фебъ, въ извѣстные часы
На области ея лучей своихъ красы;
Вполнѣ ихъ расточать онъ власти не имѣетъ,
Ни розу оживлять ни рушить льдовъ не смѣетъ.
Она, пособіемъ своихъ льдяныхъ дверей,
Входъ къ югу заперла изъ сѣвера морей,
Стеклообразныя зубчатыя шамъ льдины,
Стрегутъ при знакѣ льва холодныя пучины,
Иль съ мѣста иногда, покорствуя вѣтрамъ,
Соступятъ кажется, на встрѣчу кораблямъ;
Иные зрятся льды, стоящіе какъ горы,
Иные движутся и ужасаютъ взоры.
Пусть вѣтръ дышитъ, мелькнетъ струистая стезя
Но кораблю по ней пути избрать нельзя,
Тамъ устарѣлыхъ льдовъ чудесныя громады,
Коршеду, Куку (22) плыть устроили преграды,
Васильевъ съ ними велъ средь Океана брань,
День цѣлый жизнь предать онъ чаялъ смерти въ дань (23)
Лишь Феба приняла въ свою обитель Дѣва.

Зима коварная, дочь люшая Эрева,
Употребляя въ бой ледяныхъ силу глыбъ,

Корабль ссылаетъ въ глубъ, жилище хищныхъ рыбъ,
Или жестокія судамъ наноситъ раны,
Какъ злыя разъярясь надъ трупами гдѣ враны,
Въ ущелинахъ своихъ неизмѣримыхъ льдахъ,
Она пилл Корабль, преобращаетъ въ прахъ,
Не громомъ поразитъ, не вихремъ обезглавитъ,
Но добычу схватя, тѣснитъ, сжимаетъ, давитъ.

Пловцы безъ корабля еще плывутъ по льдамъ,
Себѣ въ погибели спасенья ищутъ тамъ,
Межъ влаги ломкихъ льдинъ, простря унынья вѣжды,
Хватаютъ жизни тѣнь на крыліяхъ надежды,
Здѣсь смертныя косы никто неизбѣжитъ,
Она въ безвѣстный часъ вездѣ людей разитъ.

Куда сшупали вы, богатыри Россійски?
Не снѣжныя скалы кавказскія, Алпійски
Восхитя, поразя, мой удивляютъ взоръ,
Я Алеутскихъ цѣпь пою ледяныхъ горъ:
Хозяйка есть скала при берегахъ Азіи, (24)
Которая въ себѣ вмѣщаетъ три стихіи;
Отважный Шпенинъ къ ней дорогу показалъ
И *Александровой* ей имя *сопки* далъ.
Взойти на высоту и сопки зрѣть вершину,
Потребенъ цѣлый часъ Науки смѣлой сыну,
Никто изъ дышущихъ среди земли людей
До верха не достигъ безъ помощи когтей,
Съ когтями Шпенинъ самъ съ холма на холмъ взбирался,
Подъ небомъ, на земли, сверхъ облаковъ остался,

Онъ громъ и молнію, воздушныхъ рѣкъ брега,
Узрѣлъ какъ съ Пулкова (25) окрестные луга.
Шагнулъ... тогда въ восторгъ внезапный погрузился,
На огнедышущей горѣ онъ очутился,
Клокочетъ сѣра тамъ, надъ льдиною жерло,
Оттолѣ пламени сіяніе текло;
Огонь внутри кипитъ, и быстро въ низъ стремится,
Отъ лавы, камней трескъ, далече дымъ куришся,
Собраніе вокругъ пылающихъ веществъ,
Ведитъ ждать общаго землетрясенья, бѣдствъ,
Теченье пламенно по льдинамъ внизъ катилось,
Огромно царство льдовъ въ огонь преобратилось;
Тамъ вѣковые льды, казалося, горятъ,
И дальный Океанъ пожаромъ озаряетъ,
Стоя на льду, себя видѣньемъ онъ насытилъ,
Трофеевъ нѣсколько отъ лавы лишь похитилъ,
Явленье новое, сходя съ горы, узрѣлъ:
Не огненный уже источникъ тамъ горѣлъ,
Но зеленью луга встрѣчаются покрыты
Тамъ на поверхности какъ башни знамениты,
Ходящими вокругъ представились холмы
То острія горы, гдѣ ключь огня и тьмы:
Внизу шумъ слышитъ водъ, грохочутъ водопады
Со льдовъ катятся вдаль текучихъ глыбъ громады,
Играя косвенно съ блѣднѣющимъ лучемъ,
Шумятъ и пѣнятся и брызгаютъ дождемъ;
Украсясь разными, какъ радуга, цвѣтами,
То съ солнцемъ рѣзвятся, то борются со льдами.

Когдабъ, *Шатобріанъ*, мнѣ средень былъ твой даръ,
Я славный описать дерзнулъ бы *Ніагаръ*,
Тамъ выше рощь вода, катяся къ низу вскорѣ,
Являетъ не рѣку, не озеро, но море (26).

Изъ камня, дерева изсѣченный кумиръ
На поклоненія подвигнулъ древніи міръ;
Среди невѣжества коварное волшебство
На гибель смертнаго искать стремилось средство;
Тогда, питая гнѣвъ злонравный чародѣй,
И въ камни и въ волковъ преобращалъ людей.
Въ божницѣ льдистыхъ странъ кумиръ имѣлъ Шаманомъ,
Свирѣпаго *Козру*, которой жилъ обманомъ,
Коварствомъ, злобою и мѣстію дышалъ,
Къ прелестной дѣвѣ страсть преступникъ ощущалъ;
Смотрѣла на него любимая имъ дѣва
Примѣтно съ чувствами презрѣнія и гнѣва.
Базальта, можетъ быть, любви познала власть,
Къ Мекензу милому уже питала страсть;
Взаимной нѣжностью уже сердца горѣли,
И брака своего наставшій часъ узрѣли,
Уже готовились святый принесть обѣтъ,
Уже въ божницѣ ихъ Шаманъ коварный ждетъ,
Къ Базальтѣ страстію сгарая онъ безплодной,
Возжегъ свои огни передъ толпой народной,
Божница потряслась, ударилъ съ трескомъ громъ,
Распространился мракъ ужаснѣйшій крутомъ,

И всѣ поклонники вострепетавъ, ницъ пали,
Гдѣ обрученные, что въ жертву закалали,
Въ какія скрылися безвѣстныя мѣста,
И брака торжество и жертва и чета? —
Но въ другъ поклонники возставъ, узрѣли ясно,
Лишь происшествіе печальное, ужасно;
Козру и мститель былъ и гнусный чародѣй,
Считалъ забавой лишь безвинныхъ кровь людей.
Онъ громко возопилъ: » Кумиру не угодно
« Свершить здѣсь двухъ сердецъ желаніе безплодно,
« Вы сами видѣли и дымъ густой и мракъ;
« Не вѣмъ, гдѣ скрылися и торжество и бракъ;
« Кумиръ въ знакъ милости чету сію прославилъ,
« И въ камни обратя, въ божницѣ жить оставилъ,
« Вотъ камни, не было которыхъ прежде здѣсь,
« Ихъ пользу огласить и міръ пространный весь,
« Доколѣ потекутъ сіянія небесны,
« Базальта съ женихомъ останутся извѣстны. »

Мекензія по днесь магнитомъ міръ зоветъ:
Среди пространства водъ великъ его совѣтъ.
Онъ плавателей вождь, пути имъ указатель,
Возлюбленной своей нелестный почитатель.

Названье прежнее невѣста соблюла
Базальта огнь любви къ Мекензіѣ возжгла,
И въ камнѣ жениха ей образъ столько милой,
Всегда манитъ къ себѣ любви могущей силой.

Межъ исконаемыхъ является Базальтъ (27),
Отъ рода твердаго, немного поздревшій,
Ровенъ, цвѣтистъ въ щеляхъ, наружно камень смуглой,
Слоями зеленъ, сѣръ, увѣсистый и круглый
Остепененъ вездѣ, но больше на холмахъ,
При огнедышущихъ гнѣздится онъ горахъ.

Лѣтъ древнихъ Витязи пируя брани бурны,
Образовали имъ ковши, сосуды, урны,
Базальтъ премножество своихъ имѣетъ чадъ,
Опалу, Лейциту и стекловатый шпатъ,
Намъ изъ столбовъ его, могуществомъ природы,
Нерукотворные остались переходы.
Поэтуль умолчатъ Базальтовую вновь
Пещеру, гдѣ Фингалъ Моины зря любовь,
Послѣ кровавыхъ битвъ неутомленной брани
Искалъ отъ нѣжныхъ устъ себѣ взаимной дани!

Мы, вязкость оцѣня, Базальта крупный ростъ,
Имъ можемъ устилать проводы рѣкъ и мостъ;
Онъ можетъ укрѣплять съ подошвы зданья разны,
И ставить при вратахъ столпы кругообразны.
Природа щедрая на льдахъ растить цвѣты
Дерзну ли исчислять ея всѣ красоты?
Обильныя трехъ царствъ различныя явленья,
Гумбольдту мудрому предметъ лишь удивленья.

О человѣчества неутомимой другъ.
О Берингъ нашъ Колумбъ! ты сблизилъ съ Нордомъ Югъ.

Когдабъ не льды, зимы оплотъ и діадима,
Спознались бы давно съ Ла-платою Колыма (28)
Морехожденію мы сократилибъ путь,
Намъ вѣтры стали бы пріятнѣйшія дуть
Зря осіровъ Гвоздева и брегъ при немъ Азійскій,
Вдругъ зрятъ въ Америкѣ и брегъ и мысъ Валлійскій (29)
Мы изъ Камчатскихъ странъ лишь опрокинемъ льды,
Ближайшіе найдемъ въ Америку слѣды,
Путь влажный обрести туда не будетъ дива
Когда стезю нашли до Беринга пролива.

Кокренъ, сей новый Кукъ, Британецъ, пѣшеходъ, (30)
Дерзаетъ памятникъ у ледовитыхъ водъ
Въ честь, славу Берингу изъ мрамора поставить,
Себя, участниковъ сей жертвою прославить.

На вѣтрахъ странствуя по морю корабли
Отъ нивъ отечества, въ часть новую земли,
Для звѣздословія источникъ пользъ открыли,
Видъ шара нашего они остепенили,
Вліяніе луны, сіянье дальнихъ звѣздъ,
И растояніе по атмосферѣ мѣстъ,
На хартію вписавъ намъ ясно показали,
Съ землею твердь, людей между собой связали.

Любовью, праздностію и негою дыша,
Брадатый ловитъ здѣсь веселіе Паша;

Сидя въ бесѣдкѣ онъ изъ пальмы со плетенной,
На кою солнце льетъ свой лучь переломленной;
Тамъ воздухъ — аромать, подножіе изъ розъ,
Тамъ кофе, шоколадъ, тамъ ананасъ, кокосъ,
И плодоносіе Америки обильно;
На Гурію свою онъ поглядя умильно;
Забылъ, сколь стоило ума, смертей, трудовъ,
Приобрѣтеніе для прихоти плодовъ.

Такъ: плаваніе водъ мѣну богатствъ свершило,
Избытки запада востоку сообщило,
Всѣ жители земли въ одинъ сошлися кругъ,
Сталъ Норду бурному знакомъ палящій Югъ,
Чужой рвемъ плодъ, чужой пьемъ воздухъ атмосферы,
Любя вездѣ сыновъ ученія и Вѣры.

Страны суровыя замерзлые кусты
На семьдесять стоя степеней широты,
Отъ благотворнаго Свѣтила удаленны
Не скоро могутъ быть лучами оживленны:
Мертво, уныло все, тамъ дикость, солнца гнѣвъ,
Тамъ нѣтъ людскихъ слѣдовъ, мѣдведей слышанъ рѣвъ,
И отзываются отъ глыбъ удары громки,
Когда катятся въ низъ съ горъ ледяныхъ обломки,
Тамъ стаи южныхъ птицъ, летя изъ теплыхъ мѣстъ,
Не могутъ обрести пристанища для гнѣздъ:
Замерзлый брегъ, лѣса глухіе осѣняютъ,
И льды высокіе до неба досягаютъ;

Но просвѣщенный Россъ чего не побѣдитъ!
Природа рабствуетъ, лишь ей онъ повелитъ;
Гдѣ жили моржъ, тюлень, гдѣ ужасали льдины,
Тамъ строятъ города, тамъ мирныя долины,
Кодьякъ, съ подошвы льдовъ подъявъ свою главу, (31)
Заставилъ о себѣ уже гремѣть молву,
Тамъ пашни, тамъ луга, Христовой церкви нравы,
Тамъ промышленности безхищростной уставы,
Всѣхъ прежде Рускіе развѣя бѣлый флагъ,
На льдистомъ сѣверѣ нашли Архипелагъ;
Тамъ много острововъ безвѣстныхъ иль забытыхъ,
Украсясь именемъ Героевъ знаменитыхъ,
Невольно огласятъ въ грядущіе вѣка,
Чья воскресила ихъ на жизнь и трудъ рука (32):
Тамъ обитатели китовъ днесь мирно ловятъ,
Избытки отъ трудовъ себѣ, своимъ готовятъ,
Тамъ Старшины — Цари, тамъ распорядокъ селъ,
Тамъ гласъ хвалы дикарь Создателю воспѣлъ.

Коль взглянемъ мы на ихъ домашніе обряды,
Тамъ щегольство свое, свои у всѣхъ наряды,
Тамъ юный Алеутъ, оставя свой байдаръ (33),
Несетъ красавицѣ сто раковинокъ въ даръ;
Хвалясь узкими и черными глазами,
Прельщаетъ милую изъ корольковъ серьгами.

На Алеутскихъ вѣкъ угрюмыхъ островахъ,
Пребудетъ незабвенъ, о Шелеховъ! твой прахъ (34)

Тамъ промышленность ты своей воздвигъ рукою,
Тамъ общежитія ты первый былъ виною,
Невѣжественный тамъ, нечувственный народъ
Ты къ одному привелъ попоку чистыхъ водъ.

Торговли нашихъ странъ прямые Аргонавты (35)
Ермій новыя отъ отдаленной Кяхты,
Избытки сѣвера въ край южныя земли
Искуствомъ и умомъ волшебно пренесли.
Американское сословье знаменито
Въ чертогахъ истины небудетъ позабыто.
Уже Смоленскій Князь, Суворовъ, мой орелъ! (36)
Летали съ честію въ полуденный предѣлъ:
Тамъ вѣсть Суворовымъ всѣхъ прежде оглашенна,
Что гидра люотая въ Европѣ низложенна.

Настроя лирный гласъ объ океанѣ льдовъ,
Могуль тебя забыть, любезнѣйшій Хвостовъ (37)
Родителей своихъ, цвѣтъ радости, надежды,
Ты кончилъ жизнь свою, закрылъ прозрѣнья вѣжды,
Оставя грозный Нордъ, сѣдыхъ валовъ молву,
Среди Петрополя палъ въ мирную Неву.

Отечество мое рубежъ въ даль простираетъ,
Воздушныхъ степеней всѣ климаты вмѣщаетъ,
Въ немъ горы льдовъ, моря, въ немъ непомѣрный зной
Въ немъ чувство нѣжитъ Фебъ пріятной теплотой;
Отъ незабвеннаго, великими дѣлами
Мы ознакомились съ широкими морями:

Считались прежде мы, но маніемъ Петра (38)
Достигли каспія съ водъ бѣлыхъ до Днѣпра.
Родительскаго знавъ сіяніе завѣта
О плаваніи въ моряхъ пеклась Елисавета.
Давно ли видѣли, премудрая въ женахъ,
Дерзала въ ледяныхъ искать пути моряхъ:
Тамъ земли новыя усердіемъ открыты,
Съ коралломъ острова, камней, гранитовъ плиты;
Къ обоимъ полюсамъ всѣхъ далѣ Руской плылъ
Куда на полдень въ Нордъ и Кукъ не доходилъ (39).

Усилья ревностныхъ не могутъ быть забвенны,
Которыя въ моряхъ свершали Крузенштерны,
Которыя свершалъ почтенный Головнинъ (40)
Искусной плаватель и моря смѣлый сынъ.

Такъ, подвигъ частныхъ лицъ, трудомъ усердьемъ славный,
Не можетъ царскому быть предпріятью равный,
Ты Беллинсгаузенъ (41) ты видѣлъ цѣлой міръ,
Васильевъ, Шишмаревъ съ тобой текли на пиръ (42).
Вы пальмовыхъ деревъ вкушали сонъ подъ тѣнью,
На югѣ быстрыхъ водъ дивилися паденью,
Вы зрѣли въ сѣверѣ звѣздистыя снѣга,
Вездѣ оленями богатые брега.
Вы подъ экваторомъ домъ солнца посѣщали,
Обоихъ полюсовъ по грознымъ льдамъ ступали;
Вы повелѣніемъ премудраго Царя
Не медля обтекли пространныя моря.

Подобно какъ орлы шумящими крылами
Паря надъ бездами, ущесами и льдами,
Въ отечество свое обратно привели
Богатые *святой* (42) добычей корабли.

Лишь слово Царь речетъ, и простираетъ руки,
Являются къ нему и кормчій и Науки:
Летятъ туда, гдѣ ледъ съ зубчатою стрѣлой
И просвѣщенья льютъ широкою рѣкой.

Злоумыслителей преодолѣвъ подкопы,
Устроилъ Александръ спасеніе Европы,
Брань грозную творя, щадилъ подобныхъ кровь,
Не разлучалась съ нимъ, средь поля бивъ, любовь;
На посѣченныя жестокимъ Марсомъ лозы
Онъ щедро посыпалъ и лиліи и розы;
Но благости его не оскудѣлъ потокъ,
Который послѣ сталъ и болѣе широкъ,
Геройствомъ, кротостью нашъ царь себя прославилъ,
Прозритель благъ! Онъ флотъ въ концы морей отправилъ,
Не злато снискивать, алмазы, сребро,
Но въ дикихъ племенахъ укоренить добро:
Достойное Царя на свѣтѣ попеченье,
Въ безвѣстныя страны пролить благотворенье,
Источникъ радостей невѣдущимъ открыть
Въ санъ человѣчества сонмъ дикихъ посвятить,
Имъ книгу развернувъ богатыя Природы,
И солнце показать и сладостныя воды,

Дать чувство новое — дать новой силы рѣчь,
И къ ближнему любви священный огнь возжечь,
Заставить ихъ, вкуся земное жизни благо,
Сердцами воспарить въ чертоги Всесвятаго!

О знаменитые среди морей пловцы!
Не мной дадутся вамъ лавровые вѣнцы,
Пѣснь мирную мою и слабую внемлите,
Не дарованія, но ревность оцѣните.
Я пѣлъ отечеству полезные труды,
Зрѣлъ въ морѣ кораблей горящіе слѣды,
Гласилъ Хрущова рокъ, неистовство Тифона,
Но мнѣ прилично ли, о Муза! съ Геликона
Къ Преемнику Петра усердный гласъ вознесть?
Глашу потомству въ слухъ я истину, не лесть:
Пусть вѣнценосца пѣлъ на лирѣ утомленной,
Люблю хвалить Царя, хвалимаго вселенной (41).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *И Рудословія и Домоводства членъ.*

Вице-Адмиралъ и разныхъ орденовъ Кавалеръ Гавріилъ Андреевичь Сарычевъ, членъ Россійской Императорской Академіи, извѣстенъ въ отечествѣ и ученомъ свѣтѣ многими путешествіями своими въ разныхъ моряхъ и полезными сочиненіями.

1) Путешеств. по сѣверной сибири и пр. д. 1785-1793. 2 vol. 4 и Атласъ in folio С. П. 1802 въ Морск. Типографіи.

2) Правила морской Геодезіи. С. П. 1804 въ морск. Типогр. 1 vol 4 126 стр. съ 8 картами.

3) Дневныя Записки плаванія по Балтійскому морю въ 1802-1805 въ морск. Тип. С. П. 1808 1 vol 4 177 стр.

4) Путеш. Кап. Биллингса и Плаваніе Кап. Галла въ 1791. Издан. Гав. Сарычевымъ. С. П. 1811 1 vol 4 въ морск. Тип.

5) Лодія Балтійскаго моря ч. 1 С. П. 1811 въ морск. Типогр. 1 vol 4 188 стр. и 6 Атласъ Балтійскаго моря (новои) in folio,

2. *Стремился прежде я отселѣ въ мрачный долъ.*

См. 2 томъ трудовъ Сочинителя, посланіе къ Ломоносову о Рудословіи, стр. 220.

Теку въ предѣлы волнъ, несуся въ царство бурь.

Сочинитель разумѣетъ настоящее стихотвореніе, гдѣ *воображеніемъ похитя трудъ полезный*, описываетъ

опасности мореплаванія и пользу, которую отъ него пріобрѣтаютъ науки, торговля и человѣчество.

3. *Какъ грудь желѣзная на смерча ополчится.*

Грудь желѣзная: выраженіе Славнаго Латинскаго Лирика Горація Флакка въ одѣ его къ Виргиліеву кораблю. *Смерчь*, явленіе происходящее, какъ иные полагаютъ отъ подземныхъ огней. Таковые смерчи суть: Тифонъ, Ураганъ, Бурунъ, См. сочиненіе Россійской Академіи Члена Платона Яковлевича Гамалея, называемое: Теорія и практика кораблевожденія. Часть 1. Приб. 1. стр. 309 и другія.

Разнообразная, богатая природа.

Авторъ олицетворяетъ здѣсь природу, полагая ее сущностію міра зримаго и, такъ сказать, искуственнаго, ибо она есть предметъ высокаго и изящнаго.

Гомеръ восторженный въ стихахъ являетъ Намъ.

Гомеръ, нареченный Князь стихотворецъ, воспѣвалъ брань Троянскую въ поэмѣ подъ именемъ: Иліады, » возвращеніе Улисса въ Итаку, подъ названіемъ: Одиссея.

4. *И Плиній и Бюффонъ открыли намъ богатства.*

Плиній, Римлянинъ, славный испытатель Природы жилъ въ Царствованіе Тита милосердаго. *Бюффонъ*, знаменитый прошедшаго столѣтія Французскій испытатель природы. Его, натуральная исторія есть такое классическое сочиненіе, которое дѣлаетъ ему и нашему времени большую честь.

О Беллинсгаузенъ, Васильевъ, Крузенштернъ.
И Берингъ и Колумбъ! Вашъ трудъ запечатлѣнъ.

Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллинсгаузенъ, Капитанъ-Командоръ, Дежурный Генералъ по флоту, непременный

членъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, начальникъ Экспедиціи, которую Государь Императоръ отправилъ около свѣта въ 1819 году. Сія Экспедиція, бывшая подъ начальствомъ Г. Беллинсгаузена, раздѣлилась на двѣ части: Беллинсгаузенъ пошелъ отъ Тропика къ Антарктическому полюсу, смотри сочиненіе Астронома Симонова, плаваніе шлюповъ: *Востока и мирнаго* къ южному полюсу, и во кругъ онаго 1822 въ 8ю, а Капитанъ Лейтенантъ Васильевъ и Капитанъ Лейтенантъ Шишмаревъ на шлюпахъ: *Открытіе и Благонамѣренный*, отправились на сѣверъ, гдѣ, между прочими, открыли новый островъ, который и назвали также по имени своего корабля, *Открытіе*.

Крузенштернъ, Иванъ Федоровичъ, Капитанъ-Командоръ и Кавалеръ, славный мореходецъ, которой первый изъ рускихъ перешелъ Экваторъ и открылъ путь нашимъ соотечественникамъ къ дальнѣйшимъ плаваніямъ.

Берингъ извѣстный мореходецъ по проливу своего имени. См. Хронологическую исторію Г. Берха сочиненіе, изданное Бергомъ первое плаваніе Россіянъ по Восточному Океану подъ командою Беринга.

Колумбъ славный Испанскій Адмиралъ, открывшій Америку въ исходѣ XV Столѣтія.

Завоеватели, свирѣпые Аттилы.

Аттила царь Гунновъ вступилъ вооруженною рукою въ Римъ, сжегъ и разграбилъ его.

5. *Я скромность, Сарычевъ, твою не оскорбляю.*

См. Пр. 1, но домолвить можно о прекрасномъ атласѣ Балтійскаго моря, коимъ разрушились для мореходца многія на семъ морѣ встрѣчающіяся преграды.

**

Тамъ газы разные, водъ цѣлое пространство.

Газы См. Физику Г. Стойковича.

И множество прожоръ и насѣкомыхъ тьма.

Прожора, большая морская рыба, похожая на щуку въ самомъ большомъ видѣ.

8. *Нелживымъ перстомъ игль исчисля точный ходъ.*

Сочинитель разумѣетъ подъ нелживымъ перстомъ игль астрономическій Компасъ, изобрѣтенный Италіянцемъ Флавіо-Жоія въ исходѣ XIII столѣтія, въ коемъ магнитная стрѣлка, обращенная однимъ концемъ къ сѣверу, а другимъ къ Югу, служитъ мореходцамъ для опредѣленія пути и вѣтровъ. См. Теорію и Практику Кораблевожденія. Часть I. стр. 79.

И временныхъ вѣтровъ питаясь дуновеньемъ.

Пасадные вѣтры Авторъ называетъ *временными* слѣдуя примѣру ученаго Гамалея, который въ вышеупомянутой книгѣ своей такъ неоднократно именуетъ *пасадные* вѣтры.

Являетъ по морямъ плывущія стада.

Сіе происшествіе случилось съ Г. Коцебу (см. Аронологическую Исторію Г. Берха часть I. стр. 192) я въ моемъ сочиненіи о семъ мореходцѣ не упоминаю, прописавъ цѣлое посланіе его плаванію Графу Румянцову. См. Полное собраніе сочиненій моихъ, Томъ II. стр. 200.

9. *Колеблемый Корабль, Борея духомъ полны*

То подымаютъ вверхъ, то опускаютъ волны.

Сіи два стиха въ первомъ изданіи небрежно напечатаны. Мысль Автора есть та, что волны, Бореемъ исполненныя, колеблемый корабль подымаютъ и опу-

скаютъ. Борея духомъ *полны*, а если спросятъ кто? — *волны*.

10. *Причины бурь вѣтровъ постигнуть не дерзаю.*

См. Пр. 4 и 15 Г. Гамалея, выписывая мнѣнія многихъ ученыхъ, между прочимъ полагаетъ, что вѣтры составляются отъ подземныхъ огней.

11. *Предтеча грознаго средъ бездны урагана.*

Все описаніе Урагана не только почерпнуто, но, такъ сказать, переведено (хотя съ одного и тогоже языка) Авторомъ почти слово въ слово изъ прекраснаго вышеупомянутаго сочиненія Г. Гамалея. См. прибавл. 1. стр. 308 и 309. Авторъ почтенному сочлену своему свидѣтельствуетъ искреннюю свою благодарность за сіе прекраснѣйшее въ прозѣ описаніе урагана или буруна, достойное краснорѣчиваго пера Платона, Тацита и Бюффона.

12. *Остатки мчатъ Троянъ на берега Карѳаги.*

Виргилій въ Энеидѣ своей подражательно Гомеру говоритъ, что Борей, по наущенію Юноны, прибилъ Энеевъ флотъ къ берегамъ Карѳаги.

13. *Открылся средь небесъ воловій страшный глазъ.*

Авторъ, Гамалея стр. 303 говоритъ: « особливо « примѣчательно облако, на такъ называемой *столовой* « *горѣ*, на мысѣ *Добрыя надежды* являющееся, и отъ « мореходцовъ Воловьимъ глазомъ зовомое. Оно показы« вается сперва малымъ и круглымъ на небѣ пятномъ. »

14. *Вервь лопнула, руль палъ, трещатъ обмокнувъ снасти.*

Въ предупрежденіе критикъ, которые могутъ два односложныя сряду поставленныя пожаловать въ стопу *Спондей*, Авторъ говоритъ, что сіе есть только *Пир-*

рихій и допускается по необходимости или изрѣдка въ Рускои поэзіи. См. Правило Ломоносова..

15. *Такъ славный Лаперузъ, любви къ наукамъ полнъ.*

Извѣстно, что Г. Лаперузъ и весь экипажъ его погибли, но гдѣ и какъ, доселѣ никакого достаточнаго свѣденія, не имѣется, ибо ни его, ни спутниковъ тѣла не отысканы.

16. *А тамъ еще напасть, лукавыхъ водъ царица.*

Это по просту, водоворотъ, которую нынѣшніе мореплаватели искусно обходятъ. Гомеръ ее называетъ Сиреною; на Латинскомъ языкѣ она слыветъ tromba.

17. *А тамъ изъ подъ горы исхитясь исполинъ.*

Тифонъ. См. сочиненіе, много разъ прежде упоминаемое знаменитаго Г. Гамалея стр. 310. Произшествіе, случившееся отъ Тифона въ Севастополѣ, описано во многихъ Журналахъ. Тифонъ значитъ на китайскомъ языкѣ крѣпкій вѣтръ. Смотри рисунокъ бывшаго Тифона въ Севастополѣ въ запискахъ Государ. Адмиралтейскаго Департамента, томъ V.

18. *Широкая глава, какъ обращенный Конъ.*

Г. Гамалея слово конусъ также переводитъ Конъ См. стр. 310.

19. *Погибъ на Берегу Британецъ, мудрый Кукъ.*

Кукъ, славный Англійскій мореходецъ. Исторія его путешествій на всѣхъ языкахъ точно упоминаетъ, что онъ въ море палъ лицемъ.

20. *Весь обитаемый обтекъ Васильевъ шаръ.*

Флота Капитанъ Лейтенантъ и Кавалеръ Михайло Николаевичъ, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ два шлю-

па: Открытіе и Благонамѣренный, посланные Правительствомъ въ 1819 году. См. прим. 8. — Инструкцію для сей экспедиціи сочинялъ Г. Вице-Адмиралъ Сарычевъ. Нынѣ (1823 года) Г. Васильевъ Капитанъ 1 Ранга и Командоръ 13 Флотскаго Экипажа и Кавалеръ.

21. *О Муза возвѣсти погибель мнѣ Хрущова!*

Г. Берингъ построилъ себѣ корабль въ Охотскѣ, называемый *Гавріилъ*, на коемъ и открылъ славный свой проливъ. См. Хронологическую исторію Г. Берха стр. 110. Что же касается до происшествія съ Г. Лейтенантомъ Хрущовымъ, то оное не вымыселъ поэта, и многимъ извѣстное приключеніе. Къ сему дополнить надобно и подобное происшествіе: 1741 года снаряжены были два корабля подъ командою Капитановъ Беринга и Чирикова для открытія земель, лежащихъ на Востокъ отъ Камчатки. Жестокая буря разлучила оба судна. Капитанъ Чириковъ высадилъ для обозрѣнія нѣкоего острова въ широтѣ 55° штурмана Деменьтьева съ 12 матросами, но недождавшись ихъ возвращенія, сильною бурею принужденъ былъ отплыть въ море. Что послѣдовало съ несчастными Деменьтьевымъ и его товарищами, неизвѣстно.

22. *Кортецу, Куку плыть устроили преграды.*

См. Хронологическую Исторію Г. Берха, въ которой о Кукѣ упоминается на стр. 161 и о Кортецѣ на стр. 9.

23. *День цѣлый жизнь предать онъ чаялъ смерти въ дань.*

8 Числа Августа отъ бури, льдовъ, Г. Васильевъ претерпѣлъ большую опасность. Онъ цѣлые 8 часовъ сражался противъ *зубчатыхъ стеклообразныхъ льдинъ*. Примѣчаніе съ словъ Г. Испытателя природы Ѳедора Ивановича Штейна.

24. *Хозяйка, есть, скала при берегахъ Азіи.*

Сія скала на островѣ Уналашкѣ См. Литографическую картину, которую дѣлалъ Г. Беггровъ по рисунку Г. Штабъ-Лѣкаря и Натуралиста Ѳедора Ивановича Штейна. Онъ свидѣтельствуетъ, что прежде его никто не восходилъ на высоту сей горы, которыя вообще въ Сибири называются сопками. Онъ назвалъ ее Александровскою огнедышущею сопкою. На сопку Александра I есть рукописное особливое примѣчаніе Штейна, мнѣ присланное.

25. *Узрѣлъ, какъ съ Пулкова окрестные луга.*

Гора, извѣстная по Московской дорогѣ въ 15 верстахъ от. С. П. бурга.

26. *Являетъ не рѣку, не озеро, но море.*

См. II. Томъ сочиненій Автора стр. 166.

27. *Межъ ископаемыхъ является Базальтъ.*

Базальтъ принадлежитъ къ роду глинистому. Впрочемъ, по опредѣленію Химиковъ, разлагавшихъ его, онъ состоитъ изъ земель глинистой, кремнистой, тальковой и извѣстковой, изъ желѣзной извѣсти, марганца, соды, воды и, можетъ быть, угольнаго вещества, отъ коего и цвѣтъ его зависитъ: ибо цвѣтъ онаго изъ-сѣра черный и чернозеленый; въ щелинахъ онъ имѣетъ иногда, и то весьма рѣдко, просвѣчиваніе. Онъ приводитъ магнитную стрѣлку въ движеніе и бываетъ оною совершенно притягиваемъ.

Блескъ на изломѣ тусклъ, а иногда и сверкающій, по причинѣ примѣшаной базальтической обманки, не рѣдко въ немъ находятся пустоты на подобіе сферическихъ пузырьковъ; изломъ плотный мѣлкозанозистой, переходящій въ плоскораковистой или неровной. Весьма

трудно ломается имѣетъ уравнительной тяжести противъ воды 2. 5 и 3. 0.

Базальтъ принадлежитъ къ горнымъ породамъ новѣйшимъ трапповыхъ формаціи и образуетъ цѣлыя горныя хребты или коническія сопки. Онъ бываетъ утвержденъ на ваккѣ, глинѣ, пескѣ или на угольныхъ флецахъ, имѣющихъ иногда извѣстной роговой или песчаной камень; также на гнейсѣ или гранитѣ, часто вблизи огнедышущихъ горъ и не рѣдко служитъ другимъ породамъ маткою, какъ то: стекловатому полевому шпату, базальтической роговой обманкѣ, лейцитну, оливину, сферосидериту, опалу, цеолиту, кварцу, сѣрному колчедану, слюдѣ, авгиту, обсидіану, целестину и проч.

Базальтъ находится почти по всей поверхности земнаго шара.

Въ послѣдней Экспедиціи кругомъ свѣта и къ Сѣверному полюсу извѣстный испытатель Природы Шпейнъ нашелъ его въ Новой Голландіи въ Вершовой горѣ, въ Новой Калифорніи на островѣ Уралашкѣ, на огнедышущей горѣ Александра I, на островѣ названномъ въ честь Корабля, *Открытіе* и во многихъ другихъ мѣстахъ. Древніе употребляли его на монументы, статуи, вазы, сосуды и другія скульптурныя работы, и нынѣ еще употребляется нѣкоторыми Индейцами Тихаго Океана, на дѣланіе ножей, топоровъ, серегъ, палицъ и сооруженіе истукановъ.

Ясно, что олицетвореніе Базальта, страсть и обрученіе съ Мегенціемъ есть вымыселъ поэта, равномѣрно какъ и коварство Шамана Козру.

Сочинитель сего стихотворенія поставляетъ себя обязаннымъ, изъяснивъ благодарность свою ученому Г. Испытателю Природы Штейну за всѣ тѣ свѣденія, кои онъ ему доставилъ не только объ огнедышущей горѣ Александра I, но и многія другія о цвѣтахъ, произра-

стѣніяхъ и камняхъ, кои онъ имѣлъ случай видѣть въ путешествіи своемъ кругомъ свѣта. Ученыя свои наблюденія, въ знакъ благодарности своей Сочинитель не оставитъ по времени, при первомъ удобномъ случаѣ, сообщить въ прозѣ къ свѣденію просвѣщеныхъ читателей.

28. *Спознались бы давно съ Лаплатою Колыма.*

Лаплата, рѣка въ Америкѣ.

29. *Вдругъ зрятъ въ Америкѣ и брегъ и мысъ Валлійскій.*

См. Исторію Хронологическую Г. Берха, о путешествіи Г. Коцебу.

30. *Кокренъ, сей новый Кукъ, Британецъ, пѣшеходъ.*

Англинскаго флота капитанъ Кокренъ въ 1819 году предпринялъ путешествіе пѣшкомъ изъ С. Петербурга къ Шелагскому носу или мысу для изслѣдованія Сѣверовосточныхъ береговъ Азіи и благополучно совершилъ оное.

31. *Кадьякъ съ подошвы льдовъ подъявъ свою главу.*

См. описаніе сего острова въ Московскомъ журналѣ, называемомъ: Другъ Просвѣщенія, издававшемся въ 1805 году. Двукратное путешествіе Лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова въ 1810 году изданное.

32. *Чья воскресила ихъ на жизнь и трудъ рука.*

См. въ концѣ сихъ примѣчаній, описаніе о всѣхъ островахъ вообще.

33. *Тамъ юный Алеутъ оставя свой байдаръ.*

Байдары, лодки особеннаго рода, употребляемые алеутами, и называемые Байдарками. Баядарки бываютъ всегда опкрытые, а Байдары всегда закрыты.

34. *Пребудетъ незабвенъ, о Шелеховъ! твой прахъ.*

См. въ концѣ сихъ примѣчаній особенное описаніе.

35. *Торговли нашихъ странъ прямыя Аргонавты.*

Славная Американская компанія, которой первымъ учредителемъ былъ купецъ Шелеховъ.

36. *Уже Смоленскій Князь, Суворовъ мой Орелъ.*

См. Полное Собраніе сочиненій Автора, Томъ I. стр. 240. Американская компанія соорудила корабль, называемый *Суворовъ*, и отправила его съ Г Лейтенантомъ — извѣстнымъ Лазаревымъ, въ Ситку. Сей корабль первый привезъ извѣстіе въ Ріо-Янейро, что Наполеонъ отправился на островъ Эльбу.

37. *Могуль тебя забытъ, любезнѣйшій Хвостовъ!*

Николай Александровичь Хвостовъ и товарищь его Лейтенантъ Давыдовъ были друзья и съ большими достоинствами люди, потонули оба въ Невѣ. См. описаніе ихъ жизни, изданное Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ.

38. *Скитались прежде мы, но маніемъ Петра....*

Правда, что и въ старину безъ практики и безъ теоріи мы ѣздили въ море, но одолжены настоящимъ плаваніемъ Петру Первому - Великому.

39. *Куда на полдень въ Нордъ и Кукъ не доходилъ.*

См. описаніе жизни Кука и нашихъ путешественниковъ.

40. *Которыя свершалъ почтенный Головнинъ.*

Капитанъ-Командоръ Василій Михайловичь Головнинъ. Головнинъ нынѣ Генералъ Интенданть по флоту. См. Его путешествіе въ Японію.

41. *Ты Беллингсгаузенъ, ты видѣлъ цѣлой міръ.*

О Беллингсгаузенѣ смотри примѣч. 8.

42. *Васильевъ, Шишмаревъ съ тобой текли на пиръ.*

См. Примѣч. 8 и 27.

Шишмаревъ капитанъ Лейтенантъ, мореходецъ съ большими достоинствами. — Надобно присовокупить, что Г. Лазаревъ, Капитанъ-Лейтенантъ, который ходилъ подъ начальствомъ Капитанъ Командора Беллингсгаузена къ южному полюсу, заслуживаетъ особливую похвалу. Сами Англичане уважаютъ сего опытнаго мореходца.

42. *Богатые святой добычей корабли.*

Авторъ разумѣетъ здѣсь совокупно съ пользою наукъ, пользу человѣчества, которая объясняется слѣдующимъ стихомъ:

Въ сань человѣчества сонмъ дикихъ посвятить.

41. *Люблю хвалить Царя, хвалимаго вселенной.*

Сей стихъ принадлежитъ славному Французскому стихотворцу Боало-Депрео. См. Стихотворные переводы Автора Т. IV. стр. 85.

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ

ШЕЛЕХОВА.

Григорій Ивановичь Шелеховъ-Рыльскій именитый Гражданинъ, первый учредитель нынѣшней Россійско-Американской Компаніи, родился въ 1748 году, началъ торговлю свою въ Сибири въ 1773 году, морскія путешествія къ сѣверо-западной части Америки совершилъ въ 1783, 1784 и 1785 годахъ. Онъ первой сдѣлалъ осѣдлость на островѣ Кадьякѣ и самой матерой землѣ Америки. Завелъ въ сихъ мѣстахъ домостроительство, кораблестроеніе, хлѣбопашество, и попеченіемъ своимъ водворилъ православную Христіанскую Вѣру въ 1794 году. По возвращеніи въ Иркутскъ, скончался Іюля 20 дня 1795 года и погребенъ въ Иркутскомъ знаменскомъ женскомъ монастырѣ. На постановленномъ надъ нимъ памятникѣ находится слѣдующая надпись.

I.

Здѣсь,
Во ожиданіи пришествія Христова,
Погребено тѣло
По прозванію Шелехова,
По дѣяніямъ безцѣннаго,
По промыслу гражданина,
По замысламъ мужа почтеннаго
Разума обширнаго и твердаго.
Ибо
Въ царствованіе
Екатерины второя,
Императрицы и Самодержицы Всероссійской
Государыни славной и великой,
Разширившей свою имперію
Побѣдами враговъ ея
На западѣ и на полудни,
Онъ
Отважными своими морскими путешествіями
На Востокѣ
Нашелъ, покорилъ и присовокупилъ
Державѣ Ея не только острова
Кыхтакъ, Афогнакъ и многіе другіе,
Но и самую матерую землю Америки,
Простираясь къ Сѣверо-Западу;
Завелъ въ нихъ
Домостроительство, кораблестроеніе, хлѣбопашество,
И покровительствомъ и ходатайствомъ
У престола, Мецената,
Испрося Архимандрита съ братіею и клиросомъ,
Провозгласилъ
Въ грубомъ народѣ, неслыханнымъ невѣжествомъ
Попранномъ

Невѣдомое тамъ имя Божіе
И во имя Святыя живоначальныя Троицы
Насадилъ
Православную Христіанскую вѣру
Въ лѣто 1794.

II.

Григорій Ивановичь Шелеховъ,
Рыльскій именитый гражданинъ,
Родился
1748 года;
Вступилъ въ супружество
1775 года
Началъ торговлю свою въ областяхъ Сибири
Въ 1773 году;
Морскія путешествія совершилъ
Въ 1783, 1784 и 1785 годахъ;
Скончался 1795 года Іюля 20 дня.

III.

Коломбъ здѣсь Росскій погребенъ:
Преплылъ моря, открылъ страны безвѣстны
И зря, что все на свѣтѣ тлѣнъ,
Направилъ парусъ свой
Въ Океанъ небесный:
Искать сокровищь горнихъ, не земныхъ.
Сокровище благихъ!
Его Ты, Боже, упокой.

Гавр. Державинъ.

IV.

Какъ царства падали къ стопамъ Екатерины
Россъ Шелеховъ безъ войскъ, безъ громоносныхъ силъ,
Притекъ въ Америку чрезъ бурныя пучины
И нову область ей и Богу покорилъ.

Дмитріевъ.

V.

Не забывай, потомокъ,
Что былъ твой предокъ Россъ и на Востокѣ громокъ.

VI.

Прохожій! что въ семъ гробѣ тлѣнъ:
Коломбъ здѣсь Росскій погребенъ.

Нынѣ Главное Правленіе Россійско-Американской Компаніи, состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ находится въ С. Петербургѣ. Оное правленіе составляютъ 4 директора: Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Михайло Матвѣевичь *Булдаковъ*, Коммерціи Совѣтникъ Венедиктъ Венедиктовичь *Крамеръ*, Коммерціи Совѣтникъ и придворный Банкиръ Андреи Ивановичь *Северинъ* и Московской Купецъ Иванъ Васильевичь *Прокофьевъ*. — Селенія оной компаніи находятся 1) на островѣ *Барановѣ*, (Ситкѣ); 2) на Островѣ *Кодьякѣ;* 3) на Островѣ *Уналашкѣ*: 4) на Островѣ *Атхѣ* и 5) на матеромъ берегу Америки селеніе Россъ. — Кораблей имѣетъ 18. — Кругомъ свѣта изъ Кронштата отправлено было 7 экспедицій, изъ коихъ 6ть возвратилась въ 1823 году на кораблѣ именуемомъ *Кутузовъ*: — Сіе краткое извлеченіе о жизни и подвигахъ Г. Шелехова получено отъ почтенныхъ и ближнихъ его родственниковъ.

ВЫПИСКА

ОБЪ ОТКРЫТЫХЪ

ВНОВЬ ОСТРОВАХЪ.

Острова Суворова шир. 13° 13′ 15″′ Z. долгот. 163° 31′ 4″ отъ Гринича къ западу, открытые 24 Сентября 1814 года судномъ Суворовъ, подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Лазарева необитаемы. На оныхъ водятся птицы, крысы и земные раки; произрастаютъ кустарники и мѣстами Кокосовыя деревья. Слѣдовъ человѣческихъ и пресной воды не отыскано.

Острова Кутузова шир. 11° 11′ N долг. 166° 50′ отъ Гринича къ Востоку. Острова Графа Румянцова, шир. 15° 3′ Z. долг. 144° 27′ западная отъ Гринича. Группа остр. Графа Румянцова широты 9° 27′ 30″ N. долг. 170° 3′ къ О. отъ Гринича. — Открыты 1816 года Г. Коцебу. — По сходству группъ острововъ Г. Румянцова съ островами Мульграва широту и положеніе оныхъ можно полагать одними Мульгравовыми островами.

Цѣпь остр. Рюрика шир. 15° 16′ Z. долг. 146° 21′ къ западу отъ Гринича. Группа остр.

Графа Аракчеева шир. 8° 52′ N. долг. 188° 59′ къ западу отъ Гринича. Островъ Спиридова шир. 14° 38′ Z долг. 145° къ западу отъ Гринича. Островъ Крузенштерна шир. 15° южная, долгота 148° 40′ къ западу отъ Гринича. — Открыты 1816 года Г. Коцебу.

Острова Маркиза Де Траверзе 1ª шир. 56° 42′ 30″ Z. долг. 8° 9′ W. 2ª шир. 56° 1′ 30″ Z. долг. 27° 40′ 30″ W. 3ª шир. 56° 42′ 30″ Z. долг. 27° 23′ къ западу отъ Гринича. — Открыты Южною Коронною Экспедиціею подъ начальствомъ Капитана Беллингсгаузена 1819 года.

Островъ Петра I. шир. 68° 45′ Z. долг. 90° 50′ къ западу отъ Гренвича земля Александра I. шир. 68° 50′ Z долг. 73° 20′ къ западу отъ Гринича. — Открыты 1820 года Южною Коронною Экспедиціею, подъ начальствомъ Капитана Беллингсгаузена. Необитаемы.

Островъ Фигуринъ (при новой Сибири) шир. 76° 14′ N долг. 140° 50′ къ востоку отъ Гринича. — Открытъ 1821 года Лейтенантомъ Анжу. Необитаемъ.

Шелахской мысъ опредѣленъ въ шир. 70° 11′ N въ долг. 170° 17′ къ востоку отъ Гринича. — Въ 1821 году Лейтенантомъ Врангелемъ.

Мысъ Овинова шир. 59° 40′ N долг. 163° 15′ къ западу отъ Гринича. — Открытъ 1821 года Американской Компаніи бригомъ Головнинымъ, подъ командою Мичмана Хромченко.

Южнаго Берега островъ Нуніивакъ или Открытіе шир. 59° 58′ N долг. 193° 17′ 25″ къ востоку отъ Гринича. — Открытъ 1821 года Іюля 11го числа Коронною Экспедиціею шлюпомъ Открытія подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Васильева. Обитаемъ жителями, живущими въ землянкахъ. Они ласковы, миролюбивы, средняго роста, стройны тѣломъ и видомъ, похожи на Жителей С. Америки.

Берегъ вообще средней высоты. Островъ простирается въ длину до 40 миль, по направленіи сѣверозапада и юго-востока. Широта его, по словамъ жителей въ половину его длины. Лѣсъ небольшой и изрѣдка растущій; закрытыхъ якорныхъ мѣстъ при островѣ нѣтъ. Жителямъ сего острова Г. Васильевъ далъ нѣсколько медалей съ изображеніемъ Государя Императора. Въ землю онаго острова Г. Васильевъ приказалъ зарыть мѣдную доску съ приличною надписью. На мѣстѣ наблюденія поставилъ флакштокъ и поднялъ на оном Военно-Россійской флагъ.

Восточной мысъ острова Нуніивакъ шир. 60° долг. 165° 5′ къ западу отъ Гринича. — Открытъ 1821 года Іюля 15 Американскою Компаніею бригомъ Соловкинымъ, подъ командою Мичмана Яромченко.

Сѣверовосточной мысъ острова Нуніивакъ шир. 60° 33′ N долг. 165° 30′ къ западу отъ Гринича. — Опъ 1821 года Іюля 30 Американскою Компаніею Кутеромъ Барановымъ, подъ командою Мореходца Этолина.

**

Мысъ Графа Румянцова шир. 61° 48′ N долг. 166° 20′ къ западу отъ Гринича. — Открытъ 1821 года Августа 20 Американской Компаніи бригомъ Головнинымъ, подъ командою Мичмана Хромченко.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ

ДМИТРІЮ ИВАНОВИЧУ

ХВОСТОВУ,

Въ знакъ истиннаго почтенія и
признательности Авторъ

Ѳедоръ Штейнъ.

ОПИСАНІЕ

ОГНЕДЫШУЩЕЙ ГОРЫ ЛИСЬЯГО ОСТРОВА

УНАЛАШКИ (*).

Огнедышущая гора на островѣ Уналашкѣ или Нагуналаскѣ (1), какъ Катуланцы (2), природные жители сего острова (3) его называютъ, изъ давныхъ времянъ извѣстная, посѣщаема была ежегодно Алеутами для добыванія сѣры и Обсидіана; но никто изъ путешественниковъ, бывшихъ въ разные времяна на семъ островѣ, не избиралъ сію гору предмѣтомъ своего изысканія. Посему я, почитая довольно любопытнымъ посѣщеніе огнедышущей горы, не давно (въ Мартѣ мѣсяцѣ 1820 года) извергавшей, пламя во время стоянія судовъ, составлявшихъ сѣверную Дивизію Гна Беллингсгаузена, на якорѣ въ восточномъ

(*) Для удовлетворенія любопытства читателей, я пріятнымъ долгомъ себѣ поставляю приобщить къ моему Стихотворенію, сверхъ моихъ примѣчаній тѣ свѣденія, кои мнѣ доставилъ недавно участвовавшій въ Экспедиціи на Ледовитомъ морѣ Г. Колеж. Ассессоръ Шпейнъ.

предмѣстіи капштанской гавани (4), отправился въ Августѣ мѣсяцѣ 1820 года водою на двухъ байдаркахъ (5) съ тремя Алеутами къ сей достопамятной горѣ.

Прибывши 25 Августа рано по утру къ сѣверному мысу, названному мною: Мысомъ Елисаветы, гдѣ въ прежнія времяна стояло Алеутское селеніе Егорка, взяли мы все нужное съ собою для путешествія. Съ начала шли по лѣвой сторонѣ довольно крутобереговаго ручейка, вышекающаго изъ подъ верхушки сопки, и отъ таянія льда и снѣга произхожденіе свое возимѣвшаго; перешли многія малыя ручьи и холмы, обсѣянныя большими каменными скалами, кабанами и кругляками, довольно обширныя снѣжныя поля, засыпанныя вулканическимъ пепломъ. Большая часть ручейковъ покрыта была снѣгомъ и льдомъ. Число прозябеній весьма малое, да и тѣ приземистыя: морошка, шикша, толокнянка, сѣверная береза, Румянцовая Уналашенская, Линнея сѣверная, пьянишникъ Камчатской, менціезія бѣлоцвѣтная, багульникъ, черника, и нѣкоторыя мѣлкія пальники (ивы), были единственныя кустарники тѣхъ мѣстъ коихъ мы коснулись. (6) Опираясь безпрестанно на шесты и удерживая тѣмъ равновѣсіе на сихъ скользскихъ мѣстахъ, переходя множество рытвинъ и крутыхъ коническихъ холмовъ, глубокимъ пепломъ и кругляками наполненныхъ, приближались къ большой наклонной

площади, покрытой весьма глубокимъ и чистымъ льдомъ, имѣющимъ чрезвычайно глубокіе бразды и трещины вѣроятно отъ бывшаго изверженія или землетрясенія произшедшія, изъ коихъ мѣстами составляются цѣлыя ледники (glaçiers) на подобіе крутовершинныхъ холмовъ, и на коихъ большія камни и кругляки разныхъ видовъ лежали. Индѣ отваливались большія громады и низвергались съ чрезвычайнымъ трескомъ и шумомъ въ зіяющіе пропасти. —Царствующее вокругъ насъ молчаніе прерывалось то симъ шумомъ, то журчаніемъ множества ручьевъ.

Преодолѣвая разныя препятствія въ теченіи 4хъ часовъ достигли наконецъ до подошвы огнедышущей горы, возвивающейся на подобіе гребня посреди многихъ горныхъ хребтовъ и коническихъ холмовъ. Гора, казавшаяся съ начала преблизкою и не столь значительною, представилась къ удивленію моему въ полномъ величіи.

Представьте себѣ, Почтеннѣйшіе Читатели! крутую, островершинную, на подобіе пѣтушьяго гребешка раздѣленную глубокою браздою какъ бы на двое гору, усѣянную чрезвычайно великими утесистыми скалами, большими волунами и кругляками, имѣющую во множествѣ рытвины и овраги, наполненныя потоками лавы, кучами пепла и глубокимъ льдомъ, испускающую прегустой дымъ изъ жерловъ своихъ, опоясанную около средины высоты озлащенными облаками, окруженную множествомъ буераковъ, потоковъ, ко-

ническихъ холмовъ, усѣянныхъ разными произведеніями и изверженіями сопки, разписанную и разпещренную такъ сказать пепломъ, глубокими браздами и пропастями.

Шумъ водопадовъ и падающихъ льдинъ, каменныхъ и земляныхъ глыбъ, журчаніе ручейковъ съ одной стороны и открытое море колебающееся отъ грознаго борея съ другой стороны, ободрили духъ усталой и унылой отъ трудпаго пути и окружающихъ картину раззоренія представляющихъ предмѣтовъ. Базальтъ (7), обсидіанъ (8), обсіановой Порфиръ (9), миндальной и глинистой Порфиры (10), стекловатая и дырчатая лавы (11) пемза, изверженная и возгнанная сѣра, Глинштейнъ (12), оливинъ (13), Пропацитъ, (*) Цеолитъ (**) изъестковый шпатъ, кубицитъ, желѣзный колчеданъ, мясный опалъ (14), Халцедонъ, базальтическій миндальный камень (15) и нѣкоторыя другія ископаемыя, примѣченные мною, обращаютъ вниманіе и Вулканистовъ и Нептунистовъ (16) равно къ рѣшенію важныхъ гогностическихъ и Геологическихъ задачь, между тѣмъ, какъ физику, Химику и естествоиспытателю громъ сей подземный, горнило сіе потаенное Вулкана, раздуваемое въ нѣдрѣ огнедышущихъ горъ, изверженіе

(*) Зри Орикгогнозій Леопарда стр. 438-442.

(**) Зри Минералогій Севергина Ч. I. стр 431-432, стр. 435-436. Минералогій Рейна Ч. II. стр. 405-422 и Орикгогнозій Леонгарда стр. 454. Astedis стр. 458.

адское, которое во мгновеніе ока цвѣтущіе города, селенія и страны благополучныя разрушаетъ, истребляетъ, потопляетъ или поглощаетъ; огненныя сіи рѣки, ищущія себѣ пути изъ верха, изъ самаго жерла или дѣлая прорывы на сторонѣ, поглощающіе все то, что не встрѣчаютъ; тучи вулканическаго пепла (17) покрывающіе и засыпающіе большія пространства, острова, Города и Селенія (18), служатъ неизчерпаемымъ источникомъ изысканій, изслѣдованій, открытій, умозрѣній и предположеній. Горы и цѣлыя хребты проваливаются, новыя возвышаются, являются мѣстами озера, мѣстами пропадаютъ, засыхаютъ, образуются новыя острова (19), другія проваливаются, потопляются. Цѣлыя страны получаютъ новое совершенно образованіе, новый видъ. Груды раскаленныхъ каменныхъ громадъ, кругляковъ разнаго рода, изгарины и старой лавы пемзы, иногда потоки воды, жидкаго ила, множество рыбы (20) выбрасывается съ чрезвычайнымъ шумомъ, трескомъ и громомъ; изъ свѣтлѣйшаго дня дѣлается темнѣйшая ночь, которая молніею и огненными изъ жерловъ вышедшими столпами мгновенно освѣщается, громъ, градъ, и проливной дождь присоединяется, дабы картину въ борбѣ находящихся стихій совершить свирѣпый ураганъ. Колеблются и сотрясаются самыя подпоры и основы земныя на значительныя пространства: суда на морѣ въ близи находящіяся сотрясаются, сокрушаются, выбрасываются или выкидываются на высокія

холмы и утесы: юрты и землянки низпадаютъ, обрушиваются, и море колеблется необычайнымъ образомъ. На морскомъ днѣ дѣлаются иногда при чрезвычайныхъ отливахъ, въ сіе время случающихся, риффы и скалы, до тѣхъ поръ не зримыя. Море изливается съ чрезвычайнымъ стремленіемъ при приливахъ необыкновенныхъ на близлежащіе берега острова и угрожаетъ опасностію и гибелью всѣмъ органическимъ твореніямъ.

Ежели симъ ужаснымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ разъяренныхъ стихій не поражается чье сердце и умъ, тому чуждо всякое впечатлѣніе промыслу природы, тотъ не внемлетъ все изъ ничего вызывающаго творца, дѣлающаго все ко благу міровъ и міліоновъ твореній, и обита-
« телей оныхъ. » Что можетъ быть по-
« разительнѣе » (говоритъ Г. Спаскій (21) I. »
« для ума и сердца человѣческаго сихъ высотъ
« воздвигнутыхъ силою времени — сихъ памятни-
« ковъ обитаемаго нами міра? Здѣсь духъ нашъ
« мгновенно переходитъ отъ одного чувствова-
« нія къ другому, онъ оставляетъ плотскія узы,
« имѣя одну только природу своимъ путеводи-
« телемъ. Утесистая крупизна горъ, вершины
« ихъ увѣнчанныя то острыми сопками и пира-
« мидами, то пирамидами и безобразными каба-
« нами, покатости и междугорія, убѣленныя
« снѣгомъ, представляющія царство зимы среди
« лѣта: все сіе приводитъ насъ въ нѣкоторый

« ужасъ и неудоумѣніе. Напротивъ того пре-
« лесть долинъ, покрытыхъ коврами зелени, озла-
« щаемыхъ солнцемъ и поперемѣнно закрываемыхъ
« движущимися пѣнями облаковъ; ручьи извиваю-
« щіеся какъ ленты, какъ линіи географической
« карты, и холмы то украшенныя кустарника-
« ми (22), то гладкіе и круглые — наполняютъ
« душу такимъ удовольствіемъ, котораго на-
« прасно будутъ искать вовсѣхъ подражатель-
« ныхъ произведеніяхъ искусства. » —

Достигнувъ до верха сопки, имѣлъ я предъ очами не описанное зрѣлище. Крутовершинные окружающіе хребты горъ близлежащіе острова, проливы, скалы, зеркало океана, и ежели бы мрачность горизонта не препятствовала, то на вѣрно и коническія горы полуострова Алексы увидѣлъ бы я съ сей высоты. Все лежало какъ картина, какъ Географическая карта предъ моими глазами (23). На краю пропасти, среди густаго дыма, выходящаго изъ внутренности жерловъ горы, окруженный озлащенными облаками, до 8000 футъ (24) перпендикулярной высоты надъ поверхностію моря, наблюдалъ я (25 Августа 1820 года) 3 градуса мороза, хотя въ низу по Р. Т. 2 градусовъ теплоты было. Присудствіе сѣрно и окисленно-солянокислаго и угольнаго (25) газовъ показывали мнѣ противудѣйствующіе средства. Для лучшаго обозрѣнія жерла, спустился я внутрь онаго; мѣстами показывался чрезъ разщелины огонь и выходилъ прегустой

задушающій дымъ. Потоки вновь вытекшей лавы направили путь свой къ югозападу и только, что на поверхности совершенно охлаждались. Поперечникъ жерла составляетъ 44 фута, а глубина 36 футъ (англ.) — Сѣра находилась въ величайшемъ изобиліи: во всѣхъ ущелинахъ и трещинахъ видѣли мы ее большими кусками. Всѣ близлежащіе камни казались перегорѣлыя или высокую степень огня претерпѣвшіе. Южная сторона сопки такимъ же образомъ какъ и сѣверная покрыта была большими ледниками, разпространившими на большія кабаны, имѣющія преглубокія разщелины.

Болѣе половины сопки вовсе лишена всякаго прозябенія: одни мхи и лишаи достигаютъ до оной и то на весьма рѣдкихъ мѣстахъ. Mnium Victinghoffii Umbilicaria Grandidiera (26) umbilicaria haematoma, Hypnum Unalaschrener, Dematium Jolithus, Orthotrichum Apulatum, Polytichum urnigerum и нѣкоторыя другія были единственныя произрастѣнія тайнобрачныя (27), могшія укорениться въ сихъ дикихъ, разрытыхъ и хладныхъ мѣстахъ.

Въ вечеру покрылося все небо темными и густыми облаками, предвѣщающими сильный дождь, который насъ и до послѣдней нити во время спуска съ сопки въ темнѣйшей ночи промочилъ; совершенно усталыя пришли въ началѣ двѣнадцатаго часа къ бараборкѣ или юртѣ (28), служившей намъ убѣжащемъ отъ дождя и холодной ночи.

Сопка сія Камуланцами называется айягынь (29) или аягань, т. е. Хозяйка (ибо Алеуты добываютъ на сей горѣ сѣру и обсидіанъ, несправедливо нѣкоторыми здѣсь лавою (30) называемый, которая получила сіе названіе отъ получаемыхъ отъ сего Обсидіана матеріаловъ для наконечниковъ къ стрѣламъ. Она Россіянами просто именовалась: огнедышущею горою или горѣлою сопкою; я осмѣлился въ день Тезоименитства Его Императорскаго Величества сопку сію наименовать: огнедышущею горою Александра перваго или Александровскою Сопкою, такъ какъ я первый изъ Россійскихъ натуралистовъ посѣщалъ и разсматривалъ сію гору. Островъ Уналашка какъ Россійская колонія, съ давныхъ временъ принадлежитъ Россійскому Скипетру. Счастіе быть участникомъ Россійской Императорской Экспедиціи собственно для открытій въ сіи моря посланною и столь далеко отъ столицъ сѣвернаго Великаго Александра Благословеннаго отстоящія, подало мнѣ смѣлость и оправдало мое дерзновенье, хотя ничего не значущую, но въ дѣйствіяхъ своихъ, какъ герои земныя, ужасную и величественную, грозную и благодѣтельную гору украсить именемъ столь Великаго Монарха, сердцу каждаго просвѣщеннаго человѣка драгоцѣнному и не забвенному!

Люблю хвалить Царя хвалимаго вселенной (31). —

Графъ Д. И. Хвостовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

При Поэмѣ: *Рускіе мореходцы*, сдѣланныя

Г. Штейномъ.

(1) Зри Путешествія флота Капитана Сарычева, Ч. II. стр. 151.

(2) Зри вояжа его же Ч. II. стр. 164.

(3) Полное и подробное описаніе сего острова смотри у Сарычева въ выше приведенномъ сочиненіи, Ч. II. стр. 151-170.; у Фонъ Лангсдорффа въ его замѣчаніяхъ во время путешествія кругомъ свѣта Ч. II. (изд. in Octavo) стр. 41-67, стр. 319-328.: у Фонъ Коцебу Ч. I. стр. 166-168; Ч. II. стр. 100-102 стр. 105-107 Ч. III. v. Chamisio стр. 165-168 etc; Mûlleis Yamlungen Kurricher Geosthistten 3 B. 1ter 2ter 3ter sfuik; Pallar nornische Reytrige, Tisihir Henbisthe von du Eroberung sibiriens и въ другихъ сочиненіяхъ.

(4) Зри Путешествія Сарычева Ч. II. стр. 18-21.

(5) Модели таковыхъ байдарокъ можно видѣть въ Музеѣ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, гдѣ сверхъ того храняшся: трехлючная байдарка конягъ (жителей острова кодьяка и однолючная байдарка жителей острова Открытія или нуниваха. Первая доставленна извѣстнымъ морскимъ офицеромъ Г. Головнинымъ, а послѣдняя Г. Васильевымъ. Кромѣ сихъ имѣются и у многихъ частныхъ лицъ модели Алеутскихъ байдарокъ.

(6) Зри Литографическій рисунокъ (Бегрова) Александровской сопки, имѣющейся при стихотвореніи Е. С. Графа Д. И. Хвостова: Рускіе мореходцы, или корабли: Открытіе и Благонамѣренный на Ледовитомъ Океанѣ 1824 года, гдѣ скала на правой сторонѣ представляетъ часть мыса Елисаветы.

(7) Его Сіятельство Графъ Д. И. Хвостовъ описываетъ въ упомянутомъ стихотвореніи (на стр. 17, 18, 19, 31 и 32.) сіе ископаемое, изображая въ видѣ басни свойства Базальта, притягивать магнитную стрѣлку; и прибавляетъ только нѣчто о мѣстѣ нахожденій и пользѣ Базальта. Находится онъ почти на всей поверхности земнаго шара. Въ послѣдней экспедиціи кругомъ свѣта найденъ онъ и въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Новой Голландіи въ пропасти Королевской столовой земли (King's Table Land), въ пещерѣ Ленона, въ Prospert Hill и въ Вершовой горѣ; въ новой Калифорніи: въ Montagna de San Rose, Sierra Nevada, Sierra de Bolbones, Sierra de Palos Colorados, берега рѣки: Pis Сакраменто; на островѣ Уналашкѣ въ огнедышущей горѣ Александра I, въ Мысѣ Елисаветы, въ мысѣ Пестрякова, въ заливахъ: Сахтуспкѣ и Макушинской; на Островѣ открытія или Нунпивакѣ; на островѣ Газеиместера; на полуостровѣ Камчаткѣ (въ Стрѣлошной Сопкѣ), при источникахъ рѣки Парапунки, въ окрестности горячихъ ключей Бааной рѣки, въ Аванчинской лухтѣ; на островѣ Owyhi (въ землѣ Карэкэкуѣ), на островѣ Wahn въ Алмазномъ холмѣ Diamond Hill, въ холмѣ, на которомъ выстроена крѣпость и ш. д.), въ зундѣ Норфолька (при рѣкѣ Колошенкѣ), на Японскомъ островѣ (въ щебняхъ), въ горахъ Ключевской, Дранишниковой и въ горѣ Святаго Лазаря (Montagna de San Zarintho ишпануель, Mount Edpcumbe Ку-

ка пикъ Трубицынъ (и другихъ); въ зундѣ Нортонъ кана островѣ Stuart). Базальтъ сверхъ того находится, какъ весьма вѣроятно и на многихъ такихъ островахъ Тихаго Океана, гдѣ до сего путешествія, вояжеры видѣли мнимую лаву. Примѣромъ служатъ: островъ Пасхи, многіе острова Новогебридскія (па пр. Танна), острова Товарищества, Сандвичевы и иныя.

Базальтъ по твердости и вязкости своей весьма полезенъ для мощенія улицъ, дорогъ и водопроводовъ. Употребляется также и на пробирные камни, на наковаленки для переплетчиковъ и золотоплющильниковъ, на жернова (на пр. въ Миссіонерствѣ San Iove Новой Калифорніи), по причинѣ изобильныхъ своихъ желѣзныхъ частей годится для примѣси къ желѣзнымъ рудамъ, а какъ удобно плавится, то и на хорошее стекло и прочные бутылки употребленъ быть можетъ — въ Архитектурѣ служитъ онъ хорошимъ строильнымъ камнемъ, какъ для домовъ такъ и для мостовъ. Въ древлѣ особенно употребляли его на монументы, статуи, вазы, сосуды, урны, и въ другихъ скулптурныхъ работахъ; а нынѣ еще употребляется онъ нѣкоторыми Индѣйцами Тихаго Океана на ножи, топоры, сергы, палицы (на островѣ Таннѣ: таковыя хранятся въ Музеѣ Г. Адмир. Деп. и привезены Г. Головнинымъ). На сооруженіе истукановъ или божковъ своихъ на островѣ Пасхи, (зри Atlàs pittoresque d'Humboldt.), наконечниками для стрѣлъ, на молотовы и пестики для молотья муки и приготовленія кашицы изъ корня Таро (Ааронова борода Arum esculentum, macrortizum, sagittifolium и т. д. на Сандвичевыхъ и иныхъ островахъ). Мексиканцы же въ древнее время высѣкали на немъ свои Гіероглифы (зри Atlàs pittoresque d'Humboldt).

Зри о Базальтѣ: Минералогіи Севергина ч. I. страан.

289-293. минералогіи Рейсса ч. III. стр. 125-139, ч. VII. стр. 539-571.

(8) Зри Минералогіи Севергина ч. I. стр. 426. орикгогнозіи Леонгарда стр. 138-141. Минералогіи Рейсса, ч. II. стр. 355-360.

(9) Зри Минералогіи Севергина ч. II. стр. 354. (понятіе о порфирѣ стр. 355. Минералогіи Рейсса ч. VII. стр. 288-289; стр. 297.

(10) Зри Минералогіи Севергина ч. II. стр. 360-371. Минералогіи Рейсса ч. VII. стр. 293-295.

(11) Зри Минералогіи Севергина ч. I. стр. 575-578. Минералогіи Рейсса ч. VII. стр. 659-575.

(12) Зри Минералогіи Рейсса ч. VII. стр. 575-578.

(13) Зри Минералогіи Севергина ч. I. стр. 357-358. Минералогіи Рейсса ч. III. стр. 194-203; Орикгогнозіи Леонгарда, стр. 514-516.

(14) Зри Минералогіи Севергина ч. I. стр. 399-409 Минералогіи Рейсса ч. II. стр. 249-269. Орикгогнозіи Леонгарда стр. 131-136.

(15) Зри Минералогіи Рейсса ч. VII. стр. 582.

(16) Зри Минералогіи Рейсса ч. VII. стр. 565-571.

(17) Тучи вулканическаго пепла (Зри Минералогіи Рейсса ч. VII. стр. 678-680) покрывали во время чрезвычайнаго изверженія огнедышущей горы острова Умнака всѣ лисьи острова между Умнакомъ и Унимакомъ лежащіе на $1\frac{1}{2}$ футъ; сіе случилось ночью отъ 2 къ 3 числу Марта 1820 года; страшный Ураганъ развѣялъ золу до деревни Шишальги, на оконечѣ острова Унимака, что составляетъ 262 мили Ишаліянскіе или $458\frac{1}{2}$ верстъ.

(18) Участь древнихъ Римскихъ городовъ: Herculanum, Pompeji и Stabiae каждому извѣстны.

* *

Діо Кассій въ Римской своей Исторіи пишетъ: « из-
« верженіе пепла было толь сильное, что оная разме-
« палася до Африки, Сиріи и Египта, въ Римѣ же по-
« мрачало солнце, ибо воздухъ совершенно наполнился
« пепломъ. »

(19) Зри путешествіи Крузенштерна ч. III. стр. 275. путешествія Лисянскаго ч. II. стр. 43 и 135; двукратнаго путешествія Хвостова и Давыдова въ Америку ч. II. стр. 176., Фонъ Лангсдорфа замѣчаній во время путешествія кругомъ свѣта изданіе in-octavo, ч. II. стр. 324-328, изданіе въ четверт: ч. II. стр. 208-211., Фонъ Кутцебу. Нѣмецкаго оригинала ч. II. стр. 106-107. ч. III. V, Chamisso стр. 166.

(20) Pimelodus Ciclopum, зри Recueil d'observationes zoologiques et d'Anatomie composé etc. Фонъ Гумбольдша.

(21) Зри Сибирскаго Вѣстника 1818 года (съ Іюля по Октябръ мѣсяц. путешествіе по южнымъ Алпійскимъ горамъ въ 1809 году) стр. 61-62.

(22) Г. Спаскій говоритъ: деревьями конхъ на уналашкѣ нѣтъ, а потому и отступилъ я въ семъ словѣ отъ почтеннаго издателя Сибирскаго вѣстника.

(23) Theodor von Saussure in der Berchreibung séiner Reise auf den Mont Blanc, hat auf eine sehr treffende und rednerische Art von den Gefühlen gesprochen, denen sich ein sterblicher, den untern Dünste schwangeren Luftschichten entsprungen, der lebenden Natur entrückt, auf diesen Denkmälern der Zeit, losgesprochen von allem Fleischlichem mitten unter der erhabenen Natur, überlässt. Seine Gedanken veslieren sich in die graue Vorzeit, mit tiefer Andacht und gefühlvollem Herzen staunt er hier, seinem Schöpfer näher gerückt,

diese gewaltigen Gebirgsmassen und die Kräfte an, welche erforderlich waren, aus Nichts, diese Jahrtausenden trotzenden Grundfesten unserer Erde zu erschaffen und aufzuthürmen! — Wie weggewifscht ist die Gegenwart aus dem Gedächtnisse: hier fühlt der schwache Sterbiche mehr als je seine Ohnmacht, seinte Endlichkeit—das reine ätherische Azur des gestirten Himmelgewölbes, die Millionen Welten, welche seinen überraschten Sinnen, seinen entwöhnten Augen in einem stärkeren Lichte, in grösserem Glanze, seinem Geiste gleichsam vorüberschweben, — die Schattenbilder, welche seiner entflammten Phantasie vorbey zu eilen scheinen — aufgeschreckt aus seinen Betrachtungen durch die kühle ihn umgebende Luft, an dem Rande eines Abgrundes, zwischen Himmel und Erde — sind Gefühle, die nicht mit Worte geschildert — die mit nichts auf der Erde aufgewogen werden können! — Зри St. Petersburgische Zeitchrift von Oldenkop, Monat Aprill 1823.

(24) 8175 ½ футъ англ. по Геометрическому измѣренію.

(25) Василій Владиміровичь Петровъ, (Академикъ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ) наставникъ оной въ математико-физикѣ, называетъ высшую степень склоненія углероднаго вещества угольнымъ газомъ, другіе углекислый газъ (gaz acidum carbonicum, Kohlensäuse, Kohlenstoffsâure). Ламанонъ и Монжесъ, спутники несчастнаго Лаперуза, не могли на вершинѣ пика Тенерифскаго (Pic d' Ayadysma или d'Echeyde de Chinerte, какъ гора и островъ на языкѣ первородныхъ жителей сего острова, Guanches, называется: Echeyde означаетъ адъ a Chinerte передѣланъ Европейцами на Тенериффъ) отпкрывать присудствіе углекислаго или угольнаго газа.

(26) L' Abbe' de Grandidies, Докторъ философіи и Юриспруденціи, Библіотекаръ Императорской публичной Библіотеки. Членъ, соучредитель и Ассессоръ Дирекціи С. П. Б. Императорскаго Минералогическаго Общества, нѣкоторыхъ Россійскихъ и Иностранныхъ сословій Членъ, Каноникусъ и Кавалеръ, извѣстный Ботаникъ, совершившій не давно путешествіе къ Пиринейскимъ горамъ.

(27) Тайнобрачныя растѣнія (Plantae Cryptogamae) называются Линнеемъ тѣ прозябенія, кои имѣютъ толь мѣлкія цвѣты, что простыми, не вооруженными глазами либо не явственно, либо вовсе не примѣчаются. Онъ причисляетъ всѣ таковыя растѣнія къ 24 классу родовой своей системы (systema sexuale) и раздѣляетъ сей классъ на слѣдующіе 4 отдѣленія:

1. Filices (папоротники); 2. Mussi (Мхи), кои подраздѣляетъ на: 1) мхи листвіеватые (Mussi Frondosi) и 2) на мхи печеночные (Mussi: hepatici) 3) algae (поросты) и 4) fungi (грибы). Г. Willdenow раздѣляетъ оный классъ на слѣдующія 15 отдѣленій:

1. Gonopteſides, 2, Stashyoptesides, 3, Poroptesides, Schismatoptesides, 5, Filises; 6, Hydroptesides; 7, Mussi; 8, Hepaticae; 9, Algae; 10, Homalophyllae; 11, Lichenes; 12, Xylomyci; 13, Fungi; 14, Gasteromysi; 15, Byssi.

(28) Бараборка или юрта: первая служитъ прикрытіемъ тѣхъ промышленниковъ, кои осенью и зимою занимаются ловлею лисицъ, огневокъ, чернобурыхъ, песцовъ. Она выстроена изъ выкиднаго лѣса или изъ китовыхъ ребръ и челюстей, по близости ручьевъ или рѣчекъ, покрываемся сухою травою, дерномъ и имѣетъ на сторонѣ входъ. Тунъ же сберегаютъ клепцы, кои разставливаются по тѣмъ тропинкамъ и мѣстамъ, по коимъ

лисицы болѣе всего бѣгаютъ. Юрта же или землянка на Алеутскихъ островахъ такимъ же образомъ устроивается, только, что входъ съ верху; изключаются отъ сего тѣ юрты, кои Россіянами и промышленниками изъ Алеутъ занимаются, оные снабжены окошками, по большой части пузырями или кишками морскихъ животныхъ обтянутыми и имѣютъ со стороны входъ.

(29) Зри путешествія Сарычева, часть II. стр. 132

(30) Зри путешествія Фонъ-Котцебу, ч. I. стр. 166.

(31) Зри стихотворенія Е. С. Графа Дмитрія Ивановича Хвостова: Рускіе Мореходцы или корабли: Открытіе и Благонамѣренный на Ледовитомъ Океанѣ 1823. года стран. 26.

ОТРЫВКИ.

Изъ краткаго начертанія успѣховъ послѣдней Россійской-ИМПЕРАТОРСКОЙ экспедиціи кругомъ свѣта и къ полюсамъ южному и сѣверному.

Ледяныя Громады, грозящія ежеминутною гибелью, свирѣпствующая буря, темнота ночи, близость берега, ледяной мысъ (Dry Cape of Cook), потоками низпадающій дождь, градъ и снѣгъ, показавшаяся болѣзнь цынга, скрытно и явно подрывавшая здаровье всей команды, все сіе увлекало въ неминуемое несчастіе, отъ котораго одно только Провидѣніе спасало судно Открытіе.

$\frac{8}{20}$ Августа 1821 года находилося судно Открытіе въ самомъ отчаянномъ положеніи между большими ледяными громадами, угрожавшими въ теченіи 10 часовъ раздробить судно. Дубовыя доски, толщиною въ $3\frac{1}{2}$ дюймовъ, кои всею командою, не изключая офицеровъ и самаго начальника, поддерживались по бокамъ шлюпа для защиты обшивки, разщепились въ одно мгновеніе на мѣлкія части; раины и стѣнги запасныя подверглися равной участи. Цѣпь, привязанную

на мѣсто обыкновеннаго каната къ якору, принуждены были отрубить; ибо напоръ и сотрясеніе судна отъ льдовъ и ледяныхъ плывучихъ осторововъ превосходили всякое вѣроятіе. Опасность увеличивалась отъ близости ледянаго мыса, къ которому съ большою силою стремилося теченіе моря; яростная буря напирала льды и судно ближе и ближе къ берегу. Тутъ-то показалъ Капитанъ Васильевъ свою рѣшимость! имѣя запасные марсели и штормовой бизань оплавировался онъ въ темнѣйшей ночи при штормѣ отъ берегу и отъ льдовъ, хотя стенги и мачты трещали. Къ сему бѣдствію присоединялось и то, что многіе изъ матросовъ одержимы были цынгою, а другіе такъ разслаблены что на силу до марса доспигали Теперь ожидаемъ любопытныхъ замѣчаній Г-на лѣкаря, (нынѣ Штабъ-Лѣкарь и Кавалеръ), Ивана Лаврентича Ковалева, о тогдашнемъ состояніи здоровья команды и растворенія Атмосферы, причинѣ появленія цынги въ короткое время и т. д.

St. Petersburgische Deutshe Zeitung, Dienstag den 4-ten October 1824 N° 79 s. 836 London vom 22-ster, October n. styls. Die expedition, welrhe beauftragt worden, den neuen, in Neuholland entdeckten grossen strom zu erfovschen, hat an den Ufern der Kleinen, in der Nahe der Bucht von Moreton gelegenen Inral die Tzümern eines gersheiterten grossen Fahrzeuges gefunden, das allen Anscheime nach vor etwa 30 Iahren verunglückt seyn dùrfte man hält es beynahe fùr ausgemacht,

das es die Trümmer von dem Sihift Astrolabium von Lapegrouse sind, das in der ersten Zeit, vo die Kolonie Botany Bay geshifet, von dort aus gegen Norden, segelte und von dem man seit der zeit nichts vernommen hat.

Легко разсуждать объ плаваніяхъ кругомъ свѣта и къ полюсамъ сѣверному и южному въ теплыхъ покояхъ среди семействъ, пріятелей, знакомыхъ; но чувствовать десятикратную смерть и видѣть ея разверзтую пасть, готовую поглотить и безъ того уже заживо во гробъ сходящихъ мореходцевъ, едва ли съ тою живостію кто себѣ представитъ, кто самъ не бывалъ въ морѣ между ужасными ледяными колосами, превышающими вышину мачтъ, движимыхъ силою яростной бури и теченіемъ морскихъ водъ, увлекающихъ на произволъ судьбы оставленное судно! —

ОТКРЫТІЯ Г. КАПИТАНА

ѲАДДЕЯ ѲАДДЕЕВИЧА

БЕЛЛИНГСГАУЗЕНА

ВЪ ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

1820 года.

---

1. Острова Моллера; сѣверо-восточная оконечность: широта южная 17° 43′ 00, долгота западная 140° 37′ отъ Гринвича, направленіе: NO $\frac{1}{2}$O и SW $\frac{1}{2}$W, 17 миль Италіянскихъ длина, 7 миль таковыхъ же ширина.

2. О. Аракчеева, шир. южн: 15° 51′, д. з. о. Гр. 140° 52′, направленіе NO $\frac{1}{4}$N и SW $\frac{1}{2}$W $4\frac{1}{2}$ миль италіанск. обитаемый.

3. О. Барклая де Толли, юго-западная оконечность: ш. южн. 16° 13′, д. з. о. Гр. 142° 29′, направл. NNO и SSW 11 съ $\frac{1}{2}$ миль Итал.

4. О. Волконскаго, юго-западная оконечность: ш. ю. 15° 52′, д. з. о. Гр. 142° 14′, направл. N$\frac{1}{4}$O и 5$\frac{1}{4}$W, 21 миль Ишал.

5. О. Nigery средина: ш. ю. 17° 42′, д. з. О. Гр. 142° 48′ W, направл. N$\frac{1}{2}$W и S$\frac{1}{2}$O. 7 миль Ишал.

6. О. Ермолова, Сѣверо-восточная оконечность: ш. ю. 16° 18′, д. з. о. Гр. 143° 16′ направленіе NNW и SSO 15$\frac{1}{2}$ миль Ишал.

7. О. Кутузова западная оконечность: 16° 27′ юж. ш., д. з. о. Гр. 144° 1′, направленіе WNW$\frac{1}{4}$W и OSO$\frac{1}{4}$O 32 миль Ишал.

8. О. Сакена, юговосточная оконечность 16° 31′ ш. ю. д. з. О. Гр. 144° 12′, направленіе NW$\frac{1}{4}$W и SO$\frac{1}{4}$O 13$\frac{1}{2}$ миль Ишал.

9. О. Чичагова, западная оконечность: ш. ю. 16° 52′ д. з, о. Гр. 144° 58′, направленіе: ONO и WSW, 11 миль Ишал. 3$\frac{1}{2}$ миль Ишал. шириною.

10. О. Милорадовича, сѣверная оконечность: 16° 42′, юж. шир. д. з. о. Гр. 145° 19′, направленіе WNW и OSO, длина 15 миль Ишал.

11. О. Винтгенштейна, сѣверная оконечность: ш. ю. 16° 1′, д. з. о. Гр. 145° 39′, направленіе: NW$\frac{1}{4}$N и SO$\frac{1}{4}$O, длина 32 миль Ишал.

12. О. Грейга (Greigh), сѣвер. оконечность 16° 11′, д. з. о. Гр. 145° 39′.

13. О. Лазарева, ш. ю. 14° 56′, д. з. о. Гр. 146° 10′.

Зри Memoires Hydrographiques à l'Atlàs de l'ocean pacifique par le Commodore de Krusenstern S. Petersbourg in 4-to et Atlàs, 1824, 1 vol.

DIE RUSSISCHEN SEEFAHRER

ODER

DIE SCHIFFE DIE ENTDECKUNG UND DER WOHLMEINENDE AUF DEM EISMEERE.

„Nur Wahrheit sang ich ja, nicht Schmeichelei:
, Süss wird es mir den Allgelobten loben."

GEDICHT

VON DEM

Grafen CHWOSTOW,

der Kaiserlich Russischen Academie und vieler vaterländischen sowohl als auswärtigen gelehrten Gesellschaften Mitgliede.

Verlesen in der am 15. Januar 1823 gehaltenen feierlichen Sitzung der mineral. Gesellschaft.

AUS DEM RUSSISCHEN IN VERSEN ÜBERSETZT

VON DEM COLLEGIENASSESSOR

A. von Wulffert.

ST. PETERSBURG,

AUS DER BUCHDRUCKEREI DER BESONDERN KANZELLEI DES MINISTERIUMS DES INNERN.

1825.

Zum Druck erlaubt.

Mit der Anweisung, der Censur-Comität sieben Exemplar
dieses Werkes unmittelbar nach vollendetem Drucke und vo
dem öffentlichen Verkaufe desselben, zur vorschriftmässige
Vertheilung, zuzustellen. St. Petersburg den 6. Juli 1825.

Carl von Poll,
Censor.

VORERINNERUNG DES UEBERSETZERS.

Auf Verlangen Sr. Erlaucht des Herrn Senators, Geheimeraths und Ritters Grafen Chwostow, ist nachstehende deutsche Uebersetzung seines Gedichtes: *die Russischen Seefahrer* betitelt, angefertigt und von den zahlreichen Noten, mit denen das Original geschmückt ist, nur Nachfolgendes als das Interessanteste für den Leser des Auslandes beibehalten.

1) Die Inselgruppe, *Graf Araktschejev* genannt, ist durch den Weltumsegler *Kotzebue* im J. 1816 entdeckt und unter dem 80° 52′ N. Breite und 188° 59′ W. Länge von Greenwich, belegen.

2) Die gegenwärtige Russisch-Amerikanische Compagnie wurde zuerst von dem Rylskischen namhaften Kaufmanne Grigorii Iwanowitsch Schelechov gestiftet. Dieser ward geb. 1748, begann seinen Handel in Sibirien 1773, vollendete seine Seereisen in das nordwestliche Amerika 1783, 84 und 85, gründete die erste Niederlassung auf der Insel Kadjak sowohl, als auf dem Festlande von Amerika, führte dort Agricultur, Häuser- und Schiffbau ein

und bahnte durch seine Bemühungen der Verbreitung des Christenthumes den Weg 1794. Nach Irkutsk zurückgekehrt, starb er 1795 und wurde in dem Irkutskischen Snamenschen Nonnenkloster begraben.

Gegenwärtig befindet sich die Oberverwaltung der Russisch-Amerikanischen Compagnie unter Allerhöchstem Schutze in St. Petersburg. Die Verwaltung besteht aus vier Directoren: dem Hofrath und Ritter *Buldakov*, dem Commerzienrath *Cramer*, dem Commerzienrath und Hofbanquier *Severin* und dem Moskowischen Kaufmanne *Prokofjev*. — Die Ansiedelungen dieser Compagnie liegen: 1) auf der Insel *Baränov* (Sitcha), 2) *Kadjak*, 3) *Unalaschka*, 4) *Atcha*, 5) auf dem festen Amerika: die Colonie *Ross*. Schiffe hat sie 18. — Um die Welt sind aus Cronstadt 7 Expeditionen abgefertigt worden, von denen die 6te, auf dem Schiffe *Kutusov*, im Sommer 1823 zurückkehrte.

Uebrigens hat der Uebersetzer nur nach buchstäblicher Treue trachten können und nimmt eine der Schlusszeilen des Werkchens für sich in Anspruch:

„*Der Wille nur hat Werth, die Gabe nicht!*“

Dir, Saritschev, der Erze und des Landbau's
erfahr'nem Pfleger, dünkt es sonderbar
vielleicht, dass ich, von Jahren schon gebeugt,
ein Greis, noch klimme auf den Helikon,
dem Segler weihend dies mein schwaches Lied
von Meerorkanen und vom ew'gen Eise.

Einst wandelt' ich vor langer Zeit im Schooss
der nächt'gen Thäler, wo der Schätze Thron,
der unterirdischen, verborgen, steht;
sah den Rubin, Sapphir, Achat, Smaragd,
Gestein und Salze dort in Gruppen; sah
Metalle, deren Wunderkraft uns öffnet
des Reichthums Quellen und der Kräfte Ringen.

Mit Lomonossov sank ich in die Tiefen
der Erde, sank in das Gebiet der Schrecken,
verliess der stillen Flüsse Blumenufer,
der Eichen Frieden und die grünen Wiesen,
der Nachtigallen süsse Frühlingsflöten,
die Zärtlichkeit und holde Liebe hauchen;
verliess des Himmels schimmernden Lasur.
Jetzt trägt mich fort die Flut ins Reich der Stürme;
der Phantasie das Feld der Mühen zeigend,
wag ich erzürnter Meere Groll zu schauen;

Nicht selten zagend vor der Neva Wellen,
vertrau ich jetzt der hundertmünd'gen Fama
mich an, begleitend sie durch das Gebiet
Neptuns, am Schauderanblick mich zu weiden,
wie die beerzte Brust der Windsbraut trotzt.
Der Strudel Wuth, der Stricke grelles Sausen,
die Flut, der Donner tobt, es zuckt der Blitz.
Dort lauscht der Tod mit dem Verrätherblicke,
dem nimmersatten Abgrund Beute liefernd,
und harrt, das wilde Element beherrschend,
der Opfer, die die Meere rastlos bringen.

Die reiche, vielgestaltete Natur
erhebt ihr Haupt zur klaren Himmelswölbung;
dem wolkenlosen Tage gleich, erscheint
die Stirn im Ruheglanz, ihr Angesicht
so lauter, wie der Silberströme Spiegel;
die Blicke glänzen, gleich den Myriaden
des Himmels, welche Phöbus Strahlen wärmen,
und ihre Locken sind die bunten Blumen,
die sich in dunkeln Eichenschatten kräuseln.
In ihrer Hand erhebt sie, still und ernst,
den Meissel, der die fernsten Zeiten formt;
Aus ihrem Munde strömt ein Strahlenquell,
ihr mildes Lächeln, wie ein süsser Bach,
erfrischt den Nord, den Ost, den Süd, den West;
des Abgrunds Gluthen deckt ihr kühner Fuss,
umgrünt vom Saum der Lilien und Rosen.

Der herrliche Homer, der Sänger König,
mit seiner Leyer wundervollen Tönen,
der weise Plinius, Büffon, — sie priesen
die Schätze, welche freundlich die Natur
im Kleeblatt ihrer Reiche mild uns beut;
doch wer begreift, den Gipfel ganz erreichend,
je ihre unerschöpfte Macht und Schönheit?
Wer sah die Schrecken alle und die Reize
der riesigen Natur und wer vermag
allein mit weitem Arme zu umfassen
die Höh, das Land, den Abgrund, die Gewässer?
Der Held, der Richter, der gewalt'ge Fürst,
der Forscher der Geheimnisse, der Weise,
ein Jeder pflückt auf ihren Wink sich Kränze.
O, glücklich, wer im hohen Seelenschwunge,
von Liebe, Hoffnung, Glauben sanft geleitet,
Natur, Du Wesenmutter, Dir sich weihend,
die Schwellen Deines heil'gen Tempels küsste.
Ihm lächelt Gott aus lichten Himmelhöhen;
der Welt Gelüste leicht besiegend, giebt
er sich der Vorsicht weisem Walten hin,
entschwebt getrost in nie besuchte Sphären
und reicht dem Wilden brüderlich die Hand.
Wag ich es wohl die Namen all zu zählen
der grossen Männer, die, der Wogen Kampf
verachtend, kühn durch Herkuls Säulen schritten,
zu beiden Polen neue Bahnen brachen
und neue Strahlen durch Europa sandten.

Columbus, Bering, muth'ger Bellingshausen,
Wassiljew, Krusenstern! was Ihr gethan,
geschrieben steht es in der Zeiten Buch.
So wie die Wolga nimmer sich erschöpft,
und schäumend in das Caspermeer ergiesst,
so gehn auch Eure Namen, hellbekrönt,
vom Ruhm getragen, auf die Nachwelt fort.

Eroberer, gewalt'ge Attila's,
in Oeden und in Gräber Reiche wandelnd,
von Uebermuth berauscht, blösst ihr das Schwert
und heisst der Bürger Blut in Strömen fliessen;
des Ruhmes Grenze bietet euch das Grab.
Der Elemente Wunder rühren nicht
das Felsenherz, das in den regen Geistern
der Luft, der Gluth, der Erde, der Gewässer
nur blinde Sklaven seiner Laune sieht.
Ihr meint: für Euch nur röthe sich der Tag,
verbreite kühle Schatten jeder Hain.
In wilder Gier verzehrt sich Euer Leben,
als Grabstein drückt Euch einst der Menschheit Fluch.

Der Musen Lieblinge, auf Aeols Schwingen
durch finstre Stürme, über Eis und Klippen
entschwebt Ihr zu gesegnetern Gefilden,
wo andre Früchte, andre Rosen duften
und andre Falter in den Lüften schillern,
sich fröhlich spiegelnd im Krystall der Flüsse.

Nicht Deine Demuth, Saritschev, verwunden
will ich, indem ich Deine Züge preise,
doch ruf ich Dich zum Steurer auf der Flut:
der Jason sollst Du meinem Liede seyn.
Wie wundervoll erhebt sich die Natur
in Meeres Mitten: die lasurnen Kuppeln
des Himmels glühn im milden Strahlenlichte
und Nachts erwachen Myriaden Sterne.
Der Wallfisch plätschert in bewegten Wassern;
bald sieden Säulen, Wolk' und See vermählend,
bald glänzen Sonnenschein und Regenbogen.
Die Abendröthe leuchtet majestätisch,
wenn Phöbus sich in Thetis Arme senkt,
und in den Lüften, die sich farbig mischen,
sieht man Insektenwelten froh sich tummeln,
indess im Meer sich Hay und Narval jagen
und helle Schaaren muntern Schuppenvolkes.
Unzählig sind die Wunder der Natur,
und Thränen füllen des Bewundrers Auge,
das, tiefgerührt von irdischen Gebrechen,
empor zu Gott, zum Herrn der Höhe blickt.
Wer diese Seiner Allmacht Flammenlettern
mit reinem Herzen liest, fühlt sich erhoben
zu bessern Welten, aber dennoch liebend
zu seinen Brüdern hingezogen; fühlt
sich aufgeregt, der Vorzeit grossen Männern
im Guten nachzustreben, für die Zukunft
zu wirken, Unentdecktes zu erforschen,

sein Tagwerk frohen Muthes zu vollbringen
und, wenn es gilt, für Andre gern zu sterben.

Doch halt! wohin entführst du meinen Geist,
du kühner Blick ins grenzenlose All?
Beim *Bilde* nur des Unermesslichen
verweile: bei dem *Meere* und bewundre
den Menschen, der auch hier sich Bahnen schafft.
Der ausgehöhlte Baum, durch Kunst beflügelt,
flieht, von dem Spiel der Lüfte leicht getragen,
hin ob der Meere wogenden Krystallen,
und sicher deutet ihm den Weg die Nadel.
Der Segler scheidet von der Heimath Strand,
sucht unbekanntes Glück in fernen Zonen
und eilt das Ziel der Wandrung zu erreichen.
Er meint in Städten, die von Leben wimmeln,
zu ruhen; Aeols launenhafte Kinder
zu Freunden sich zu werben und begünstigt
von ihnen, sorgenlos dahin zu schiffen.

Doch weh! es trügt die lichte Hoffnung oft!
geebnet schläft die Flut, das Schiff ruht still.
Es naht der böse Gast: der bittre Mangel.
Die Zeit fliesst ungenützt und langsam hin.
Vergebens sucht der trübe Späherblick
ein Wölkchen nur am fernen Horizont. —
Urplötzlich aber wird der Himmel schwarz,
ein dunkler Nebel wickelt dicht und dichter
die Schiffenden in sein Gespinst. Es kracht

der Donner, Blitze wirbeln, Stürme rasen
und schleudern in das uferlose Weltmeer
das bange Schiff, von Flut auf Flut bedeckt.
Geheul und Rasseln tönt durch alle Räume.
Die Welle hebt, von Aeols Odem voll,
das Schiff empor, dann senkt sie's in den Abgrund.
Rings herrscht der Schreck und keine Hoffnung stralt.
Verzweifelnd schlägt die angsterfüllte Brust;
der Kranken Flehn dringt durch der Wogen Brüllen;
die muth'gen Schwimmer schluckt der Fluten Schlund,
und bald erheben Leichen nur und Trümmer
die Wellen, als Trophäen ihrer Kämpfe.

Der Stürme Werkstatt wag' ich nicht zu schildern,
nicht der Natur Geheimniss zu besingen;
sey es ein Luftstrom aus dem Schooss der Erde,
der hoch im Aether ballt die dunkeln Wolken,
sey es ein Kampf der Dünste, sey es Feuer,
das in der Tiefe Lavaöfen braust,
und dessen Hauch, die Oberfläche küssend,
die Wellen rollend thürmt, durch Wälder tobt,
und Sterbliche mit Donnerwolken grüsst.

Homer, der greise Barde, schon verlieh
den Meeren ihren König. Aeols Diener,
die Fesseln von sich streifend, flogen rasch
auf seinen Wink aus ihren Felsenklüften,
bald gift'ge Dünste durch die Welt zu jagen,
bald Juno's stolze Rache zu beflügeln,

und bald im Sturm die letzten der Trojaner
Carthagos Küsten strandend zuzuführen.
Schon sehn die Schiffer nah'n die Schreckenstunde,
der Anker fällt, sie hissen ihre Segel.
Am fernen Horizonte steigt empor
das kleine, dunkle Auge des Orkans,
mit dem es aus der Ferne grimmig schaut
auf Fluren, seinem wilden Zorn geweiht.
Doch mählig wird es grösser, dunkler stets,
und blutig lacht der Mond, die Sonne blutig,
wie Hirsche fliehn die Wolken, dumpf erbebt
die Erde, durch die Lüfte braust die Windsbraut,
der Hagel stürzt, der Boden spaltet sich,
ein dunkler Teppich hüllt den Himmel ein,
der Regen schäumt in Strömen auf die Thäler;
Es heult der Sturm, und vor dem Donner sinken
die Eichen, himmelwärts die Wurzeln sträubend;
in Wirbeln kreiselt sich der leichte Staub;
gebrochen senken sich der Felder Halme,
die Zinnen der Palläste schmettern nieder
und Schiffe liegen überall zerschellt.
Verderben, Schreck und Tod bedeckt das Land,
das Meer berührt im Wellensturm die Wolken
und Blitz auf Blitze regnet's rund am Himmel,
die Finsterniss mit greller Glut durchzuckend.
Das Tau zerreisst, der Anker ist verloren,
und irrend schwimmt das Schiff, ein Spiel der Winde.
Dahin geschleudert zwischen Meer und Aether,
sieht es auf ferner Höh' die Masten treiben.

Aufs neue schlägt der Donner; Well' an Welle,
im steten Kampfe, bricht sich an dem Spiegel.
Jetzt brennt der Bord, umringt vom Zorn der Flut;
vergebens brüllt des Pulvers Ruf um Hülfe
und krachend fährt das Schiff zum Abgrund nieder.

So wurde *La Peyrouse*, wissbegierig,
auf schöner Heldenbahn, der Wogen Raub.
Er starb. Wo sucht die Nachwelt seine Stätte?
Kein Marmor hat verewigt sie, kein Erz,
Sein Körper ward der Ungeheuer Beute.

Arglistig späht die Flutenköniginn
die Nixe, mit verstecktem Zauberstabe
die Wasser in geheime Strudel lenkend,
und lockt die Schwimmer auf die glatte Fläche,
und zieht sie plötzlich nieder in ihr Reich.

Gebirgegleich erhebt sich dräuend dort
der Riese Typhon mit dem Wellenleibe
tief aus des Flutenreichs Krystallpallast.
Aus grausem Meere thürmt sich der Coloss
empor, ein unermesslich Ungethüm,
ein dichter Nebel hüllt ihn als Gewand.
Er grüsst im Flug die Sterne, küsst die Wolken;
sein Fuss erscheint behende, spitz und leicht,
allein sein Haupt, ein breiter Wasserkreisel,
verschüttet rund im Strudel Wolkenbrüche,
und wachsend wird er schnell zur runden Säule;

dem Riesenhaupt entsprudeln Cataracte
und stürzend, schäumend eilt er in die Tiefe
und schiesst als Strömung siedend durch das Meer.
Doch manches Schiff wagt mit dem Wasserkegel
den Kampf, das gläserne Geriesel spaltend
mit ehernem Geschoss. Vor Bombenschlägen
zerreisst der Woge Netz, die Fluten stieben.

Du sahst es jüngst zur heitern Mittagsstunde,
Sewastapol, wie auf geschwelltem Meere
der Typhon dir, ein wilder Drache, nahte,
mit seinen Flutenarmen rasch die Wandrer
erhaschte, sie auf's weite Feld verschleudernd;
Verheerung, Schrecken und Geschrei begleitet
die Spur, auf der der grause Wasserriese
den wilden Scherz betrieb, und schnell entweichend
zurückschwoll, donnernd, in sein Klippenbett.

Bedrängte Sterbliche! Gefahren dräu'n
Euch aus der Luft, auf Erden und vom Meere.
Kaum flieht ihr diese, treffen bald euch jene,
und jede Welle, jede Scholle deckt
des Lebens Feind, der euren Schritt belauert.
Die Donnerwolken, wie des Lüftchens Zug,
die Schlucht, die Flut, das Eis, der Menschen Groll
verschwören sich zu Einem Ziel. So starb,
nachdem er dreimal unsern Erdball mass,
und Sturm und Brandung selbst den Helden ehrten,
om Speer der Tücke doch der Menschheit Freund,

der Wissenschaften Jünger, Cook der Brite.
Des Meuchlers Waffe traf ihn in den Rücken
uud der beherzte Segler sank ins Grab.
Von Menschenhand den Tod empfangend, fiel
er mit dem Angesicht ins Meer und barg
es in der Flut geheimnissvollen Tiefe,
den Bruder nicht zu sehn, der ihn erschlug.

Wen nicht des Glaubens heilig Licht erwärmt,
der ist ein Scheinmensch, ist der Lüste Sclav,
er starret in die Welt uud schluckt die Luft,
doch seinem Leben mangeln Zweck und Liebe.

Wassiljev schiffte um der Erde Rund
und bracht' dem Vaterlande reiche Gaben,
sie niederlegend in Poseidons Tempel.
Allein was litt er von der See Gefahren?

Der Schiffer sieht von Fluten sich umbrüllt, —
gleich einem Wandrer, der sich tief im Walde
verirrt und wilde Thiere nahen hört, —
die Himmelswölbung über sich, den Abgrund
zu seinen Füssen unermesslich wogend,
und ausgestreckt des Todes Eisenhand.
Der fremden Luft zahlt er der Kräfte Zoll,
in eigner Brust trägt er geheimen Feind,
des Kummers Ruf und finstre Bilder drängen
aus seinem Herzen bange Klagetöne.
Des Mittags heitern Stral, der Nächte Mond,

das rege Hüpfen klarer Silberwellen,
der fremden Ufer wilde Cataracte
vermögen nicht den düstern Geist zu bannen;
der Wiesen Grün, der Blumen Glutgeschmeide,
die sonst das Herz als alte Freunde grüssen,
sie blühn umsonst dem thränenvollen Blick.
Der Menschheit Wohl lässt ihn den Tod verachten,
doch nicht des Busens stilles Weh verscheuchen.
Der Seele Freuden: die Geliebten, fehlen,
das Vaterland ist fern, das ihn gebar,
Er denkt, umringt von dräuender Gefahr,
sein Leben in der Wilden Kreis zu enden
und ruft, von Sehnsucht und von Angst beklemmt:
Hier lieg' ich auf des Wüstenufers Sand,
Wer wird die Scheidestunde mir versüssen?
Wo naht den Lippen eine Trösterhand?
Wen soll mein letztes Lebewohl begrüssen?
Wer schliesst mein Auge, wenn es sterbend bricht?
Ich seh die Mutter, seh die Gattinn nicht;
Und wer wird je in diese Oede dringen,
Des Seglers Staub den Thränendank zu bringen?

O Muse! Gieb uns Kunde von Chruschtschov.
Von Beerings Mund empfangend den Befehl,
sich treulich nach dem Rath des Obern richtend,
begab er mit geringer Mannschaft sich
an eines Eilands unbewohnten Strand,
durchstrich es länger nicht als ihm geboten,
und kehrte fröhlich zu dem weisen Führer.

„Wohl mir," sprach er, „wie hat mein treues Auge
so bald entdeckt, was unserm Wunsch genügt,
und schnell hab' ich erfüllt des Herrn Geheiss."
Schon fliegt er nach der wohlbekannten Stelle,
wo *Gabriel* in stolzer Ruhe ankert.
Er kommt, er sieht, der reibt die Augen, sucht,
und immer lauter pocht, bewegt, das Herz.
Kein Schiff ist da, er sieht nur Meer und Wolken.
„Dies ist der Ort, wo wir uns treffen sollten,
und Niemand hier, und keine Spur der Freunde!...."

Nicht Speise hat die kleine Schaar noch Kähne. —
Unglücklicher Chruschtschov! wir sind verloren!
Warum, o Beering! schenkst du mich dem Tode?
Du selber sandtest mich auf diese Insel,
gabst Leute mir und Pulver, und zur Stunde,
die du bestimmt, bin ich zurückgekehrt!" —
So klagt der Arme ob sein Schreckensloos.
Furchtbarer Augenblick und nirgends Hülfe.
Nie sieht er das geliebte Vaterland!
Und schmeckt auf ödem Eiland bittern Tod.

Wo ist das Eiland? — Wo Chruschtschov? — Vergebens
sucht Beering sie aufs neue zu erreichen,
nachdem der Brandung Groll sein Schiff verschlug,
das zwischen Eisgefilden, Ungewittern
im Ocean mit bösen Tagen kämpfte.

Bis jetzt blieb unbekannt Chruschtschovs Geschick.
Vielleicht, ruft Mancher, blieb auf wüster Insel

umringt vom Eise, das verlass'ne Häufchen
der Christgemeinde, treu der Heimath Sitte;
Vielleicht das dort Chruschtschov mit den Gefährten
nach Rettung schauend, noch der Schiffe harrt! —
Doch scheint dies Hoffen nicht der strengen Wahrheit
gemäss, vielmehr ein süsser Traum zu seyn.

Der Winter mit dem hellen Eisesscepter
des Nordens Pol in kalte Fesseln schmiedend;
des Frostes Ketten ob dem Ocean
weithin verbreitend, wählt sich in der Wüste,
wo aller Odem starrt, den öden Thron,
umglänzt vom Licht der ew'gen Schneegefilde,
im schimmernden, demant'nen Eispallast.
Der Jahreszeiten milden Freudenwechsel
verschmäht er, ohne Anbeginn und Ende
ist Kälte nur sein starres Element.
Entkräftet prallen Phöbus glüh'nde Pfeile
von dem bestralten, unerwärmten Schilde,
ihn nimmer spaltend, nie der Erde hier
des Lenzes Grün, der Blüten Pracht entlockend.

So hat mit gläsernen, gezackten Pforten
der Winter uns den hohen Nord verschlossen,
und hütet strenge sich die kalte Wüste.
Bisweilen nur, durch stärkern Sturm erschüttert,
entsendet er gewalt'ge Eisgebirge,
zurückzuscheuchen die verweg'nen Schiffe.
So hemmte er einst Cooks und Cortes Bahnen

mit seinen tausendjähr'gen Gletschermassen;
Mit ihnen kämpfte mitten in dem Weltmeer
Wassiljev einen Tag auf Tod und Leben,
und erst der Mond sah ihn als Sieger weichen.

Der Sohn des Erebus, der schlaue Winter,
auf Eises Schollen rudernd in den Kampf,
versenkt die Schiffe bald ins Reich der Fische,
bald bohrt er ihnen unheilbare Wunden,
und tückisch sie mit starrem Zahn zersägend
verwandelt er in Staub den festen Bau,
ihn nicht mit Donner königlich entmastend,
nein! ihn durch langes Zehren still vernichtend.

Die Schwimmer suchen ohne Schiff noch Rettung,
wo nur Verderben, gähnend, sie umringt,
sie haschen, mit erstarrten Wellen ringend,
nach Leben, das der Hoffnung Schwingen regt.
Doch wer entginge hier des Todes Sense,
die jeden Augenblick sich Ernten mäht?

Wohin trug Euch, Ihr Russischen Heroen!
nicht Euer Schritt? Euch sieht auf steilen Gipfeln
des Caucasus, der Alpen, scheu, mein Blick,
Euch auf dem Eis der Aleutenkette.

Dort unfern von den Küsten Asiens
winkt eine Insel uns, genannt *die Wirthinn*,
die drei verschied'ne Elemente eint.

Der kund'ge *Stein* wies uns den Weg dahin
und nannte sie die *Alexanderkuppe.*
Sie zu erklimmen braucht wohl eine Stunde
und alle Kraft der *Zögling* der Natur,
sich mit den Nägeln klammernd an den Felsen.
So hob sich *Stein* von Hügel dort zu Hügel,
und zwischen Erd' und Himmel schwebend, schaute
Gewitter er und Blitz' und Nebelschichten,
wie wir vom Pulkowa die Gegend schau'n.
Er schritt — mit Grausen und Entzücken weilte
sein Auge an des Berges Flammenhauch:
Dort brodelt Schwefel auf des Kraters Schnee,
im Innern kocht die Glut und strömt empor,
mit Lava, Rauch und Steinen niederregnend.
Und dieser Ausguss feuerschwangrer Stoffe
verkündet Erderschüttrung und Verderben.
Der Flammenfluss wälzt auf den Schnee sich nieder,
der Fröste Reich in eine Hölle wandelnd;
Der Säkeln Eise schmelzen; Vor dem Brande
erröthet rings der weite Ocean. —
Da, auf dem Eise stehend, schaute still
der Wanderer die Wunder der Natur
und bückte sich und nahm ein Lavastückchen
als Beute aus dem Kampf der Elemente.
Doch als er nnu den Berg verliess, erblickt
er plötzlich eine andere Erscheinung:
Nicht Feuerquellen lodern mehr empor;
Gewässer brausen, Katarakte schmettern
und von den Eisgebirgen wälzen fern

sich Wellenmassen, bleich im Lichte schimmernd,
und schäumen wild und sprühen feinen Regen,
gleich Iris sich mit Stralenblumen schmückend,
der Sonne lächelnd, mit dem Eise kämpfend. —

Besäss ich Deine Kunst, *Chateaubriand!*
dann malt' ich den berühmten Niagara,
der wälderhoch, zur Tiefe, reissend schiesst,
kein Fluss, kein See und auch kein Meer zu nennen.
Vor einem Götzenbild aus Stein, aus Holz
verneigte sich der Vorzeit Aberglaube,
und der Betrug verstand durch Gaukelspiel
den leichtbethörten Sterblichen zu blenden:
Da wusste, hiess es, der erzürnte Zaubrer
in Fels und Wölfe Menschen zu verwandeln.

Fern in der Eisgefilde Götzenhalle
trieb *Kosra*, ein Schaman, sein listig Wesen,
und athmete Betrug und arge Ränke.
Einst stellt er einer holden Jungfrau nach;
doch die Geliebte lohnt ihn mit Verachtung:
der Liebe Zauber, nicht des Zaubrers Liebe
umspann *Basalta's* jungfräuliche Seele,
der edle *Makens* war ihr Auserwählter,
in Gegenliebe brannten beider Herzen.
Es war bestimmt bereits des Bundes Tag,
er kam, zu weih'n das heilige Gelübde,
und der Schaman harrt in der Götzenhalle.
Die unerhörte Liebe sättigt — Rache.

Es nahn die Bräutlichen; das Opferfeuer
entzündet der Schaman vor allem Volke,
die Halle bebt, es schmettern Donnerschläge
und fürchterliche Nacht umhüllt die Menge.
Die Götzendiener stürzen bebend hin. —
Doch wo sind die Verlobten? — Wo das Opfer?
Welch unbekannter Ort hat sie empfangen?
Verschwunden sind die Opfer und das Paar.
Der Haufe richtet sich empor und sieht
das traurige, das schreckliche Ereigniss;
Vom Zaubrer ward die Unthat rasch verübt,
der Unschuld Blut geopfert seiner Rache;
Doch laut rief er zum Volk: „Der Götze wollte
nicht diesen Bund, ihr alle' sah't den Rauch,
die dichte Nacht, die das Ereigniss hüllte;
nicht wissen wir, was aus der Ehe wurde;
doch hat der Götze sich zur ew'gen Ehre
dies Paar geweiht, in Steine sie verwandelnd,
dass sie, als solche, diese Halle zieren.
Hier seht die Steine, früher nie gesehn,
von ihnen wird die späte Nachwelt reden,
die, bis des Himmels Lichter einst verlöschen,
Basalta kennt und ihren Bräutigam.“

Den Makens nennt die heut'ge Welt: Magnet.
Sein Rath ist wichtig auf des Meeres Mitten,
er führt die Segler, zeigt die Bahnen ihnen,
treu der Geliebten ewig zugewandt.

Doch sie, die Braut, behielt den alten Namen,
und wie Basalta, liebend, den Makens

für sich entflammte, zieht sie noch als Stein
auch den Magnet, unwiderstehlich, an.

Es zeigt sich der Basalt beim ersten Fund,
von harter Art und etwas locker, eben,
geblümt im Bruch und schmutzig braun von aussen,
geschichtet, grün und grau, gewichtig, rund;
wird überall gefunden, meist auf Hügeln
und häufig in der Nähe von Vulkanen.

Oft ziert' er sonst Pokale, Humpen, Urnen,
aus denen, nach der Schlacht, die Ritter zechten.
Es zählt der Brüder viele der Basalt,
als: den Opal, den Leicit und den Spat.
Uns blieben durch die Machtkraft der Natur
basaltne Säulen, die nicht Menschen bauten.
Wie dächte da der Dichter nicht der Höhle,
wo Fingal liebend einst Moïna schaute,
und nach der blut'gen Schlachten wildem Toben
des Sieges Lohn auf Purpurlippen suchte. —
Durch seine Festigkeit und Dichte dient
zu Trottoirs und Brücken der Basalt;
Auf seinen starken Sohlen ruh'n Palläste
und Pforten stützet er mit runden Pfosten.

Voll Ueppigkeit gebiert im Eise Blumen
selbst die Natur. — Wag' ich's ihr Werk zu malen?
Nein! Humboldts kund'gem Griffel bleibt's behalten,
ihr dreifach Reich, der Wunder voll, zu schildern.

Der Menschheit Freund, Ruthenias Columb,
o Beering! Du vereintest Nord und Süd;
und starrten nicht des Winters eis'ge Panzer,
längst küssten sich La Plata und Kolym;
den Schiffen wiesen wir die neue Bahn
und hätten alle Winde uns befreundet;
säh'n Gwosdews Eiland, Asien und plötzlich
den Strand Amerikas und Wallis Cap,
das von Kamtschatka wir alsbald erreichten,
wenn nur das Eis vor unsern Schritten wiche.
Kein Wellenpfad ist zu betreten schwierig,
seitdem uns Beerings Muth die Strasse zeigt.

So trägt die Schiffe Aeols Hauch durchs Meer
in neue Länder aus der Heimath Flur.
Der Weltumsegler misst der Sonne Bahn,
bestimmt des Erdballs Grenzen und Gestalt,
des Mondes Einfluss, der Planeten Lauf,
und jeden Punkt der weiten Atmosphäre.
Auf Charten baut er uns der Welten Bild,
eint Erd' und Himmel und entleg'ne Völker.

In Sinnenlust und Ueppigkeit versenkt
hascht dort der bärt'ge Pascha nach Vergnügen;
gemächlich sitzend in der Palmenlaube,
durch die der Sonnenstrahl, gebrochen, zittert.
Er schwimmt in Duft, auf Rosen ruht sein Fuss,
und Mokkatrank und Chocolate rauchen,
und Ananas und Cocos winken ihm.

An einer Houris weidet sich sein Blick,
Uneingedenk der Mühn, der Kunst, der Opfer
für die der Luxus seine Güter kauft.

So tauscht die Schiffahrt jeden Reichthum aus,
des Westens Ueberfluss dem Osten bringend.
Der Erde Völker schliessen Einen Kreis,
den rauhen Nord begrüsst der glüh'nde Süd;
Uns stärkt der Fremde Frucht, der Fremde Luft,
und überall zeigt uns der Glaube: Brüder.

Die rauhen Strecken, die gefrornen Büsche,
umfasst vom siebenzigsten Breitengrade,
entfernt vom segenreichen Sonnenlichte,
erfreuen sich nicht bald der Stralenwärme.
Tod ist hier alles, öde; kalt die Sonne,
und nirgend Menschenspur; nur Bärgebrüll
vernimmt das Ohr und der Lavinen Donner;
Nicht finden hier des Südens Wandervögel
ein Plätzchen, wo sie sich ein Nest erbauten.
Den frost'gen Boden decken starre Wälder,
und Eisgebirge kühlen hoch die Wolken.

Doch was besiegt nicht der verständ'ge Russe!
Selbst die Natur gehorcht ihm, wenn er will.
Wo sonst das Wallross sich in Schollen drängte,
erheben Städte sich, blüh'n stille Thäler;
Kadjak, sich auf des Eises Sohle hebend,
erfüllte schon die Welt mit seinem Rufe:

dort wühlt der Pflug, blüh'n Wiesen, strahlen Kirchen,
der Kunstfleiss treibt sein ehrliches Gewerbe;
dort pflanzten Russen ihre weisse Flagge
zuerst auf dem Archipelag des Nordens;
dort künden früher ungekannte Inseln,
mit Namen jetzt berühmter Helden prangend,
den spätesten Jahrhunderten, wer sie
ans Licht berief, wer ihnen Schutz verlieh.
Den Wallfisch fahen dort die Eingebornen,
und freuen sich des Zinses ihrer Mühe;
dort giebt es Dörfer, Aelteste und Fürsten;
dort preist des Wilden Stimme laut den Schöpfer.
Doch keimt schon in der Einfalt Sitten früh
die Lust zum Schmuck, das Spiel der Eitelkeit.
Aus der Baidare steigt der Aleut,
bringt hundert Muscheln froh zum Brautgeschenk,
und blinzend aus geschlitzten schwarzen Augen,
hängt er dem Liebchen Vögel in die Ohren.

Dort auf den düstern Aleuteninseln
bleibt unvergesslich, Schelechov, Dein Staub;
an deiner Hand erlernte Fleiss und Kunst
der Wilde hier; du machtest ihn gesellig;
das rohe, das empfindungslose Volk
hast du geführt zum Strom der reinen Wasser.

Ihr, unsres Handels ächte Argonauten,
die ihr des Nordens Ueberfluss dem Süden
mit klugem Sinne, zaubergleich, gebracht,

der neuen Welt ruhmwürdiger Verein;
in Clio's Tempel prangen Eure Namen.
Aus eu'rem Schoosse flog der Adler, flog
das Schiff: Suworov, nach Janeiros Küsten,
zuerst die frohe Siegesbothschaft tragend:
dass einer Welt gewaltiger Zerstörer
bezähmt in Elba's engen Gränzen throne,

Die Lyra stimmend an des Nordmeers Ufer,
wie könnt' ich Dein vergessen, o Chvostov?
Der Elternfreude hoffnungsvolle Blüte,
verschlossest du dem Leben deine Augen.
Dem Groll entgangen eiserfüllter Fluten,
wardst du daheim ein Raub der stillen Neva. —

Wie streckst du doch, mein Vaterland, die Arme
durch aller Himmelstriche luft'ge Gürtel,
trägst Eisgebirge, Meere, heisse Steppen
und Zaubergärten an dem Mutterbusen.
Der grösste Thatenheld vergang'ner Zeit
erschloss uns der entlegnen Meere Pforten:
auf Peters Ruf erreichten wir zuerst,
vom wilden Dneper aus, den Ocean.
Des grossen Vaters Wink befolgend, schützte
die Flaggen, kaiserlich, Elisabeth;
und auch die weiseste der Frauen wies
den Russenschiffen Wege durch das Eis,
wo sie in Meereswüsten Länder fanden,
Koralleninseln und granitne Eiächen.

In Mitternacht und Mittag schwamm der Russe
auf Wassern, unerreicht vom Briten Cook.

Hoch über Meeren glänzt an Fama's Himmel
der späten Nachwelt unser Krusenstern,
und unvergessen bleibe Golovnin
der Segelheld, des Meeres kühner Sohn.

Nicht kann des Einzelnen gesammte Mühe,
wie gross sie sey, des Herrschers Werken gleichen.
Du Bellingshausen sahst der Erde Rund,
begleitet von Wassiljev, Schischmarev;
Der Schlummer sank auf euch in Palmenschatten,
ihr saht erstaunt des Südens Wasserstürze,
saht hoch im Norden Schnee, wie Sterne, fallen
und an Gestaden Rennthierheerden fliehen;
Der Sonne Reich umglüht euch am Aequator,
und grauses Eis trug euch zu beiden Polen.
Auf das Gebot des weisesten Regenten
besuchtet ihr die fernen Oceane.
Den Adlern gleich, die, rauschend mit den Flügeln,
hoch über Klüften und Gebirgen schweben,
kamt aus Gefahren ihr in's Vaterland
zurück, die Schiffe heil'ger Beute voll.

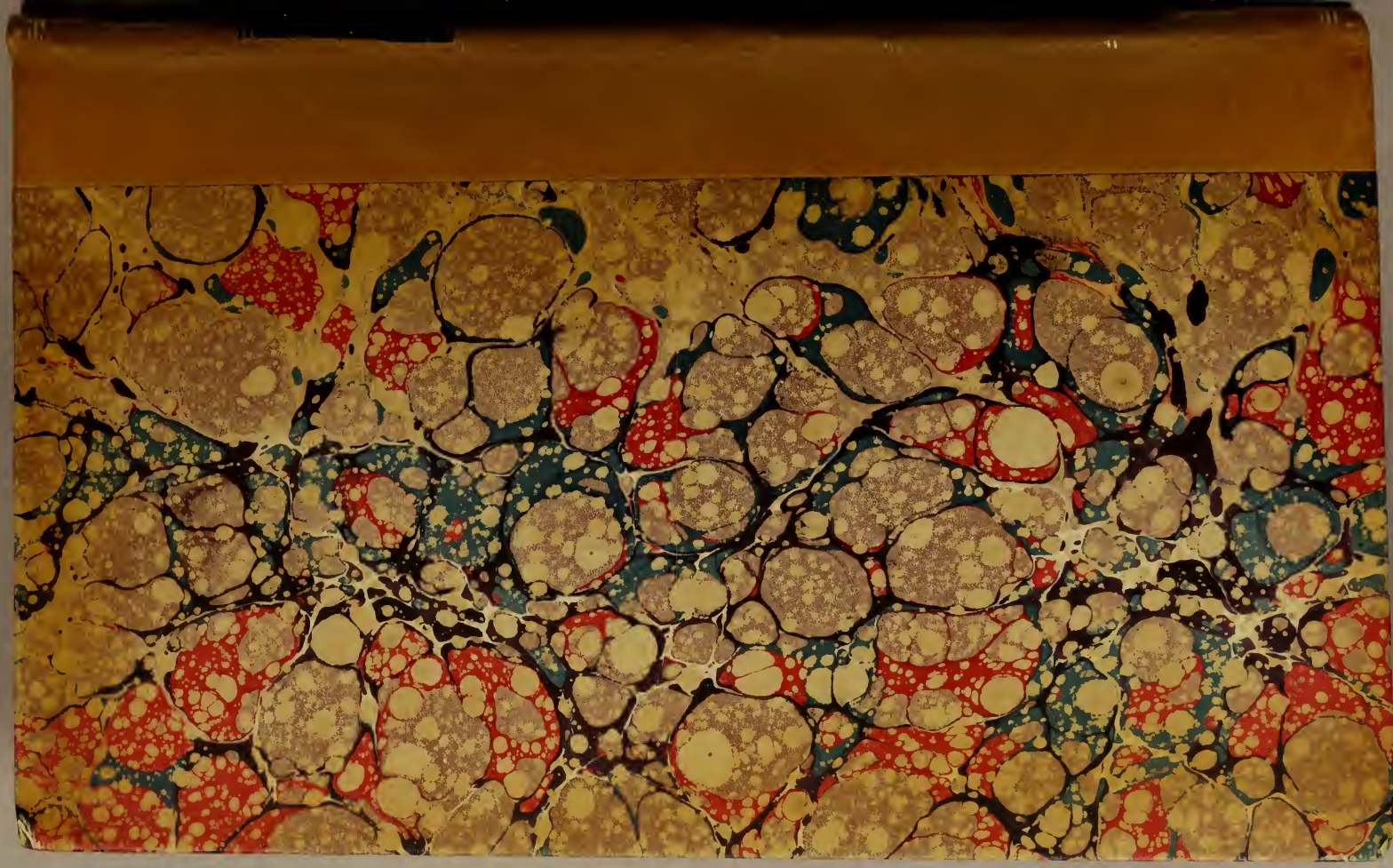
Kaum tönt des Kaisers Wort, winkt seine Hand,
so eilt der Held, so melden sich die Künste,
fliehn an den Eispol, zu der Linie Gluten
und öffnen neue Bahn dem Völkersegen.

Der Arggesinnten Trug und Macht besiegend,
schuf ALEXANDER's Zepter Heil Europen.
Im Kampfe schonend theures Menschenblut,
auch auf dem Schlachtgefilde liebevoll,
umwand er bald des rauhen Mars Geschmeide
mit dem Olivenzweig der Bürgerruhe,
und überschüttete besiegte Länder
nur immer reicher mit der Milde Segen.
Der Kriegstriumph wird zum Triumph der Liebe.
Er sendet Flotten an des Meeres Enden;
nicht Gold und Edelsteine aufzuwühlen;
Nein! wilden Stämmen Tugend einzuimpfen.
O! eines grossen Kaisers würd'ge Sorge:
in fremden Regionen Heil zu spenden,
den Unbekannten Freuden zu eröffnen,
der Wilden Schaar zur Menschlichkeit zu weihen,
und, ihr die Bücher der Natur enthüllend,
Gefühl ihr, dem Gefühle Sprache leihen,
und mit der Bruderliebe sie erfüllend,
sie zu befreunden mit dem schönern Leben,
dass würdig sie des Höchsten Preis erheben!

Ihr weitberühmten Segler unsrer Meere!
Ich kann euch keine Lorbeerkränze reichen.
Nehmt gütig auf mein schwaches Lobgedicht.
Der Wille nur hat Werth, die Gabe nicht.
Ich sang die Mühen, die dem Reiche frommten,
und sah das Meer am Kiel der Schiffe sieden,
sang Dein Geschick: Chruschtschov; dein Rasen: Typhon;

Doch ziemt es mir wohl von dem Helikon
mein Lied zum Erben Peters zu erheben?
Nur Wahrheit sang ich ja, nicht Schmeichelei.
Wie matt ich den Gesalbten auch erhoben,
Süss wird es mir: den Allgelobten loben.

353/4103007 41

a A3D492 1AUQMS

K825
K45r